

Анатолий Можаровский

Шаги

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

Шаги. *Поэзии*. — К.: ВПЦ «Київський університет», 2013. —
М75 256 с.

ISBN

Новая книга Анатолия Можаровского — это попытка заговорить о личности, о человеке, о себе в Украине постсоветской, заговорить свободно, полно и правдиво.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ТЛЕНА ОБЫДЕННОСТИ

Анатолий Можаровский безусловно самый плодовитый из всех ныне действующих в Украине литераторов. Его творческая активность уникальна — шесть крупных поэтических сборников за год! Его творческий импульс не угасает, по-прежнему требует реализации, толкает поэта дальше. В первых своих книгах, созданных в состоянии романтического напряжения, поэт стремился выговориться, как много переживший и многое передумавший человек, обретший вдруг свободу и легкость выражения своей мысли словом, человек-вдохновение. Творчество Анатолия Можаровского — поразительный пример непосредственного вдохновения, проявившееся через искренне христианское сознание, духовную интуицию. Данный от рождения талант радостно впитывает в себя окружающий мир, чуткая реакция на физический и духовный мир, обогатившись жизненным опытом, стал творческим и нашёл способ выразить себя в слове — удивительнейшее и неожиданное проявление поэтического дара в зрелом возрасте!

От книги к книге его поэзия становится глубже, совершенней, он берётся за сложные философские проблемы и успешно с ними справляется. Стих его становится дисциплинированнее, язык свободнее и точнее, уходят повторы, нет излишней детализации и попыток объяснить всё до последней точки, чем он грешил в первых книгах. Он научился пользоваться недосказанностью, подтекстом, создал свой оригинальный стиль, чтобы дать наиболее верное представление о душе нашего современника, терзаемого противоречиями молниеносно меняющегося мира, в котором утрачены моральные ориентиры, мира, который как бандит с большой дороги, урвав шальные деньги, кутит напропалую. Кто другой, более ортодоксальный в вопросах поэтической техники не стал бы отступать от общепринятого

метрического стихосложения, но Анатолий Можаровский был убеждён, что ему предстоит сказать и описать нечто совершенно новое, нечто страшное и непонятное, некую эпидемию безумия, которая безжалостно косит ничего не понимающих людей. Это заставило его пойти собственной дорогой на поиски необычного стиля, который был бы индивидуален и искренен. И ему это в полной мере удалось. В стихах Анатолия Можаровского мастерски передан спотыкающийся ритм речи взволнованного, ошеломлённого человека, живущего на грани срыва — вымечтанная многими поколениями независимость оказалась адом! Разочарование в идеалах свободы и демократии, безысходность жизни, варваризация общества и человека превратили современную жизнь во взрывоопасную смесь — достаточно маленькой искры и взорвётся народное негодование очередным бунтом, жестоким и кровавым. Но слепцы не видят этого, упорно и нагло продолжая нагромождать неправедность и несправедливость. Разве можно спокойно, без надрыва, говорить об этом? Да тут не говорить нужно — кричать! Этот внутренний, рвущийся наружу крик, облекаемый в слова и создает евангелический в своей страстности стиль, который даёт поэту возможность сказать раньше и лучше других то, что ещё никто до него в литературе не говорил, по крайней мере в литературе нашего времени и нашей страны. Индивидуальность поэта свободно чувствует себя среди этих ритмов: в них легко трансформируется драматизированное Я поэта — его душа — символ его внутренней жизни, а также времени и среды. Этот стиль очень функционален, он идеально подходит для передачи в стихах эпической и полифонической картины-панорамы нашего времени, обладающей небывалой насыщенностью.

Многие из коллег-литераторов вообще не считают Анатолия Можаровского поэтом, подразумевая под поэзией лишь сочинительство стихов в узаконенной традиции или на особые, “поэтические” темы. Трудно понять подобное мнение. Стихи Анатолия Можаровского эстетичны и

страстны, а лучшие из них ещё и просты. Если судить по более строгим правилам, гласящим, что форма должна отражать смысл произведения, то и в этом случае поэзия А.Можаровского соответствует требованию. Но самое надёжное мерило настоящей поэзии — не риторического, а практического свойства. Если поэзия доходит до сердца и разума читателя, выполняя своё предназначение, то есть вдохновляет его своими ритмами, если от размышлений поэта о смысле жизни загорается воображение читателя, то тогда о чём спорить?

Поэзия Анатолия Можаровского — один из тех документов человеческого духа, появляющихся время от времени в истории литературы, которые вызывают яростное сопротивление, непонимание и неприятие. Вызвано это несколькими причинами. Эти произведения — всегда плод труда новатора и, подобно трудам путешественников-первопроходцев, подчас неполны, несовершенны — изобилуют как гениальными открытиями, так и крупными просчётами. Эти книги, хотя выраженные в них мысли могут быть известны философии или взяты из реальной практики времени, возвращают некоторым идеям первоначальную окраску, извлекая их из повседневного обихода и вводя в сферу воображения. Для полного раскрытия своего художественного видения писателю, а особенно поэту, также часто бывает необходимо отыскать новые средства языковой выразительности: однако для современников это выглядит слишком новым и поэтому не всегда нравится. Более того, если литературное произведение повествует о человеческих нравах, оно, несомненно, вступает в противоречие с реальной жизненной практикой общества, в котором оно появилось. Оно вызывает возмущение, потому что принуждает пересмотреть принятые обычаи и отбросить господствующие мифы. В случае с Анатолием Можаровским — это непримиримость между художником и цивилизацией бизнесменов, поднявшей на щит олигархов и одурачившей нагло обобранный до нитки народ баснями о независимости, демократии, свободе. Поэзия Анатолия Можаровского

ровского заставляет читателя думать самому, она подсказывает ему многие темы для размышлений.

Как же мучительно долго ждали мы своей независимой Украины! И вот, получили. Но незаметно Украина, вернее её олигархическая власть, превратила “государство для всех” в “государство для немногих”, где истинной государственной религией становится обожествление государства, мистическая сила которого призвана определить и ограничить любое проявление жизни всех. Но служение ложно понятой идее государства неминуемо раскалывает не только всё общество, но и само правительственное сословие, вселяя в людей тревогу и подозрительность: олигархия перестает доверять даже себе самой. За годы независимости в Украине резко усилились социальные и религиозные контрасты, размылись черты культурной однородности. Независимость не объединила, а разобщила страну. Отсюда — тревога и чувство потери, отчаяние и безысходность. Анатолий Мажаровский указывает всем на зло, чтобы люди вернули себе достоинство, вырвавшись из плена поверхностного оптимизма, усиленно пропагандируемого приверженцами неолиберализма в украинской вышиванке, который не что иное как всё тот же капитализм, оживший и присвоивший себе неограниченную власть и дикие пороки феодала и рабовладельца. И здесь он, возможно, больше пророк, чем художник. Анатолий Мажаровский убежден: писатель как искатель истины, призван играть в обществе роль не меньшую, чем учёный, философ, богослов, а литература обязана быть верной народу, обязана страстно и ревностно ратовать за его прогресс, благоденствие и счастье.

Никому ещё из современных литераторов не удалось показать с большей силой социальное неравенство и всё ничтожество правящей “элиты”, как это сделал Анатолий Мажаровский. Поэт откровенно говорит, что страной управляют ничтожные и продажные политики, что страна разбита на группировки и запуталась в безнадежной распре; эту ситуацию мешают разрешить алчность и эгоизм, бездарность лидеров обеих лагерей — привластного

и оппозиционного. Везде своекорыстие, коррупция, анархия и бандитизм. Все прекрасно знают, что каждое депутатское кресло покупается, как и любой, даже незначительный, пост в государственных учреждениях, что депутаты массово продают свои голоса, свои малейшие услуги, подобно тому как судьи торгуют правосудием. Свобода в Украине понимается лишь как свобода распространения власти денег. Произвол и своекорыстие правящей “элиты” самым пагубным образом отражаются на нравах: люди становятся алчными и мстительными, подверженными вспышкам слепой ярости и легковерными, подозрительными и покорными, народ превращается в люд, сохраняя при этом самые преувеличенные притязания на собственную справедливость.

После распада СССР в независимой Украине, как, впрочем, почти везде на постсоветском пространстве, у власти очутились наживалы из вчерашних “идейных коммунистов” — номенклатурищиков. Они осветили новую эру, доведя до колоссальных размеров расхищение государственных имуществ. Крупнейшие заводы спущены за бесценок, растянуты колхозы, нагло отобраны многолетние сбережения миллионов семей. Всё это совершалось без малейшего соблюдения норм законности. Присвоенное таким мошенническим способом имущество и составляет основу капитала современных олигархов.

Все правительства за годы независимости вместо всеобщего процветания и благоденствия вызывали к жизни прежде всего торжество порока и разгула, неурядицы и распутство. Внутри страны бушует ожесточённая война кланов, массовая деиндустриализация и деколлективизация выбрасывают на улицы толпы нищих. Поведение тех, кто стоит во главе государства, не отличается от поведения главарей воровского мира. Одни грабят наверху, другие внизу.

Взаимное недоверие власти и народа приобретает оттенок болезненности: одна сторона в любом действии другой видит тайный и непременно злой умысел. Власть не

останавливается перед попранием любого установления, ни Божеского, ни человеческого. При этом в делах собственной “чести” проявляет чувствительность, достойную разве что девицы на выданье, будущности которой способно повредить любое вольное слово. Система власти, при которой желания правителей не только не отвечают интересам подданных, но и совершенно расходятся с ними, никогда не располагает истинным правосудием. Судьи, которым надлежит вынести приговор, заранее получают определенные предписания, не брезгают и взятками, и суд такой будет скорее данью видимости порядка, нежели исполнением законов. Тем временем в приватизированных теми же олигархами средствах массовой информации поднимается шумиха, цитируются “показания свидетелей” и демонстрируется “принципиальность” судей, которые якобы тщательно взвешивают приговор. И каким бы ни был тот приговор, в справедливость его никто не верит, а слово “правосудие” звучит у нас либо грубой ложью, либо воплем отчаяния. Олигархия открывает все двери одному из самых пагубных пороков государства — беззаконию. Изуверившиеся люди уже и не ищут правды и справедливости. Тягостные сомнения в земной правде внушают сомнения и в правде небесной, гасят страх Божий. Утрата религиозного чувства захватывает все общество. Вечные призывания святых, клятвы именем их и именем Бога делаются лишь привычными оборотами речи; и человек скорее призовёт своего небесного покровителя молясь о даровании успеха своей любимой футбольной команде в очередном турнире, чем при мысли о нём воздержится от какого-нибудь неблаговидного поступка, сулящего выгоду. Веру исподволь вытеснило суеверие.

Во всех сферах человеческой деятельности, которые мы называем культурой, наблюдается упадок и деградация. Деградация породила такую атмосферу, которая уродует и разрушает личность. Анатолий Можаровский стремится раскрыть тайну упадка и деградации мира, его катастрофических изменений и его несчастий. Он надеется

найти способ его спасения. Он предлагает общественные механизмы, которые помогут человеку вырваться из тлена обыденности, остановить разрушительные общественные перемены и создать некую идеальную модель государства, которое не будет способно к деградации и разрушению. Идеал будущего общественного строя, жизнедеятельного государства он видит в самоусовершенствовании человека согласно Божьих Заповедей и христианской любви. На их основе возводится общество высокой физической и духовной мощи.

Платон считал, что закон исторической обреченности, закон упадка можно сломить моральной волей человека, подкрепленной силой человеческого разума. Но мудрость состоит в том, чтобы отдать Богу то, что суетная гордость относит за счет личных достоинств человека.

Творчество Анатолия Мажаровского опровергает главный постулат украинского литературного национализма — чтобы стать национальным поэтом, нужно писать на национальном языке. Он, пишущий преимущественно на русском языке, всё таки поэт украинский, украинский неизмеримо больше, чем многие из ныне здравствующих стихотворцев, сочиняющих только на украинском. Мы имеем дело с поэтом поразительной интуиции и колоссальной выразительной силы, которого должно было породить наше время. Поэтические книги Анатолия Мажаровского, по существу, попытка заговорить о личности, человеке, о себе в Украине постсоветской, заговорить свободно, полно и правдиво. Ничего подобного этому не найти в современной литературе.

Михайло МАЛЮК

Слава, бесславие...
Два конца вектора.
Наконечник стрелы
всегда действует.
Слава
пьянит, манит,
и рвет мозг неразвит,
она как болезнь,
которых есть много и разных.
А средства информационные
гонят картинки
тех, что в славе,
их помнят и видят
во сне и наяву.
Слава бандита в своем кругу,
становится славой по миру
благодаря телеэфиру
и прессе, которая была
началом
для славы, и славит
тех, кто для славы
в мир появился.
А кто для бесславия?
О них тоже пишут.
Где, может, личности
мрачные, страшные,
а где просто народ
как подставка для славы
вошедших в ее поле.
Оргазмы слюней и языческих
тресков — их узнают все.
И жених, и невеста
купаются в славе,
дело отцов продолжая.
А, может, это не слава,
а узнаваемость лиц,
что пробрались
в эфиры и прессу всех видов
за деньги?

Слава, бесславиe, и узнаваемость.
Мир правит порядки
для одичания.
И те, кто во славе,
падут в бесславиe,
или же неузнаваемость.
Время сметёт метлою
пьедесталы,
подставки с народа,
который согнали,
и на их плечах
славились в славе.
Слава, бесславиe,
и узнаваемость,
когда-то, потом,
забываемость скопом
и поодиночке,
даже если гранита и бронзы
осталось на кладбище тонны.
Всё разворуют,
свезут,
продадут.
Время бесславия — короткий путь, —
и узнаваемость уже не вернуть.

13.05.2013.

Сначала Первомай
шагал страной.
Дурели коммунисты,
а, порой, кто-то
отходил в мир иной.
Потом был праздник,
всем праздникам праздник, —
Светлая Пасха,
и мы дождались
благости дней
осознания грехов.
Многие плакали
в счастье,
а многие, те, что без мозгов,
пили, горели,
тушились и пили.
Так дни святые и проходили.
А дальше новый
праздник, скорбный —
День Победы.
Погибших миллионы.
Безвременно рано
их столько пало...
Сердце грустило
и не пускало
мыслей ненужных.
Хотелось покоя,
осмыслить день этот
и вспомнить погибших
героев и негероев.
Но водка тоже лилась
в глотки жжённые
разной гадостью
в стране произведённой.

И глаза безумные
антихриста видели,
рожи мусоленные,
саловоидоловые.
А дальше вошли
в праздник мы новый —
светлый и теплый.
С детства я помню
радость на кладбище
у могил своих предков,
и солнце светило
в день этот
так крепко.
Но время меняло
нравы и моду —
черти, распорядители головами
народов,
праздник свели к
одичанию наций.
Правда, Витёк,
ты же им подсобачил?
“Гробки” превратились
в столы поедальные
с выпивоном
под крестами
на прахе
поминаемых.
А в вечности дальней
слезы их предков
за память пропитую
и пережертую
жирными яствами
и банками с острыми
блюдами тоже.

Кто-то умудрялся
влюбиться здесь нежно,
и чувства свои
воплотить в кустах смежных
с могилой, крестом.
А кто-то дрался
друг с другом,
или, ещё краше,
когда сын да с отцом.
А кто-то спал пьяный,
как мертвый,
до утра на кладбище
с водкой.
Всё мы отметили
и погуляли
вволю, довольно,
до самого края
пропаханной совести,
утерянных нравов,
заныканой веры
и дикой морали.
Вошли мы в тринадцатое
мая помяты.
День — понедельник.
Психологи-вяки
что-то советуют
об адаптации.
Суды заработали.
Менты в прострации:
избили, поломали
героя страны
Колю Мельника
и без жены.
Она появилась,
и очень скоро.

Рядом была
и партийная свора:
её направила,
а она — Колю.
Политпроект
после обожренных
залежалых прилавков.
Коля попался,
а тот, кто за ним,
испугался.
Коля в больнице
как в песне шансона.
Жена плачет рядом,
а страна — унисоном.

13.05.2013.

Город и грёзы
остались вдали.
Мечты, как археологические
экспонаты,
стали уже не мои.
И я смотрю
в небо
ночью и днём.
Жизнь снова новая,
где мы вдвоём —
Бог и я.
Мечты мои новые.
Они уже вызрели,
и очень просты:
мне только небо,
дети, цветы.
Мне
ни карьера,
ни слава,
ни деньги.
Мне только небо,
и запах сирени,
мне только травы
в пьянящем лугу,
мне деревья
и птицы на быстром лету.
Мне Бог,
и любовь к людям
всегда.
Мне мир весь в добре
и без величания зла.

14.05.2013.

Вчера была гроза,
и я всегда, как в мае
и бывает,
наслаждался громом,
интересовался его делами.
Полгода не был здесь
мой друг.
И он старался, громыхал вокруг,
и лился тёплый дождь,
и тучи чёрные сверкали.
Продрог я,
и ушёл домой.
А тут и вечер.
Слышу, кто-то скребёт в
в моё окно.
Поднял я штору,
а там лицо знакомо незнакомо.
Открыл окно,
и вижу президента Казахстана
с чемоданом
и кульками.
Не стал греметь входной я
дверью,
поднял его в окно.
Включили свет.
И я спросил:
— Чего?
— Да вот проблемы назревают
по стране...
— А что ты хочешь?
Окружение твоё
бурит степи,
и нефтью с газом
балуются вместе
с Китаем,
и продают за доллары,
тебе подносят тоже.

Ты новую столицу
навельможил,
чтоб в Астане коррупцией
не пахло,
а там она воняет как везде.
— Опасно! —
сказал мне Назарбаев.
Раскрыл кульки,
достал еду, подарки:
— Ты кушай, сладкий.
Я хочу тебя забрать к себе...
— Не поеду, Нурсултан,
что мне в Астане?
Клетка — из золота дворец?
Красивых девушек
не под венец?
Да что я там смогу
в степях?
Китайцы ещё шлёпнут...
— Да нет.
Хочу чтобы помог.
— А как помочь?
— Дочь обокрали
на сотни миллионов
вот...
— Бардак, Султан!
Ты ж коммунистом был,
и демократом, — вай! —
а стал как бай.
И снова стук в окно.
А время за ноль-ноль часов.
Темно.
Открыли мы окно,
а там сам Лукашенко.
— Поговорить бы... — говорит.
И влез он сам —
спортсмен.

И та же песня:
— Помоги!
А как помочь?
Страна хорошая,
но тырит власть
уж далеко за прок.
Сам виллу бахнул в Сочи,
счет а в Европе...
— Хлопцы,
я — поэт!
И как же мне систему поменять
у вас?..
— Ну да, построили дерьмо... —
сказал Султан,
и замолчал.
— Союз нам нужен... —
Лукашенко промычал.
И оба вместе:
— Ты кушай, кушай!
Чем богаты, тем и рады...
И я поел кореек с окороками,
запил всё кофе, коньяками,
отправил их назад
через окно.
Еды оставили на месяц.
Оно то хорошо,
но, если честно, — плохо:
мне б похудеть немножко...

15.05.2013.

Российские баре —
русские в баре.
Российские “шары” —
мечта с ползунками
и соской во рту.
Царевич-дурак,
и Иванушка тоже —
на этом выросли миллионы, —
быть может это и есть
та загадка русской души?
Дядя Стёпа, спеши!
и пиши глупую книжку
стихов для парнишек,
и девочек тоже.
Барин-вельможа и графомнул,
пристроил в каждый дом,
и не икнул,
проглотив поломера.
Русские в баре,
и водка рекой —
“авторитета” стреляли,
но пули прошли стороной.
Праздник по поводу,
конечно, серьёзному,
но в конце форума
киллеры грохнули
полгруппировки прямо у стойки
вместе с отцом крестным.
Урон
оказался тяжелым бригаде,
которая дралась за место
в Петрограде,
как Ленин и Троцкий
когда-то за Зимний.

Бригада бригаду
валили как иней
лучи восходящего солнца
с деревьев.
Люди падали за мокрое дело,
и ни сказки-былины,
ни дяди Степы
их не спасали.
Русские баре, и фильм
дешево дешевый за пятьдесят,
нет, не целковых,
а миллионов, зелёных
(за четыре сняли, остальное украли).
Русские баре
крали и там, в культурном
сферхкруге,
крали на фильмах и книгах
не хуже
чем бандиты в бригадах
по день сей весенний.
Крали дома, земли,
и пели осанны власть
придержавшим.
В церковь ходили
по-настоящему,
молитвы читали
и крестным знаменем
баре-воры-брехуны
и бездельники
просили Всевышнего
от них отстать.
Он и отстал,
и бесов послал
как в стадо свиней,
но не было моря —
так и летают
они по просторам
сцен и подмостков,
трибун и сверхзалов.

Великие гении культуры
так ржавой
и так упавшей
за сто лет кряду.
— Мама! —

ребёнок кричит, что не надо
стихи про Иванушку
и дядю Стёпу.
— Мама!

Мне про бандитов
и про вельмож тех,
что из ничего стали знатью,
и, зная секреты
долбаной власти,
смогли её вставить
по самое нет,
и обобрать страну в белый свет,
а затем разбежаться
по Флоридам, Лондонам,
горячим пескам
островов по чужбинам.
А бесы то с ними...

15.05.2013.

Телевидение и пресса
всё о крови и боссах
мафии и её правлении.
Страх нагоняется уже
даже будущим поколениям.
Его в изобилии как сорняков на поле,
где растёт немного картофеля
в свободе и воле.
Жуть о резанных, стреляных,
колотых, сгоревших,
ушедших от алкоголя —
журналисты как сдвинутые
бегают с микрофонами:
— Вот здесь падал раненый!
Вот кровь не соскоблена.
— Он лежал, а менты
пошли сначала к себе,
а потом на вокзал!
— Он лежал, а мент на день
опоздал!
Трупы у морга,
их не приняли,
бросили под дверью
и снова на вызов выехали.
Зачем морг?
Везите в братские могилы.
Всем будет легче,
и чтоб родственники не знали
и не хоронили.
А время придёт телевидения
общественного,
альтернативного,
но тоже сумасшедшего.

Журналист будет показывать
дом и квартиру в нём
и говорить о том,
что здесь сегодня всё путём:
никто не зарезан,
и в окно не бросился,
раненого в сердце
не находили,
а мэр Кариес
сегодня не крал,
губернатор Довбня
не существовал,
а был Гонников,
который Плотников,
на работу вышел,
потравить вшей на себе
отказался.
Долго работал, устал,
и уснул в саду,
где рыбки живут в пруду
и гуляют молодые мамы.
Идиллия новой системы
и новой телепрограммы.
...Только что ко мне прилетел
на вертолёте
президент США,
скрытно и тайно,
чтобы глаз государя нашего
не зlobить и не расстраивать.
Пили виски, говорили о сиськах,
потом о валютном рынке,
падении индексов на биржах,
росте ВВП в Гренландии
и добыче сельди в Исландии.

Улетел тихо и незаметно.
Телевизор пел песни...
А пока кровь наполняет
реки,
моря, океаны
и дискотеки.
Пожары, взрывы и катафалки.
Презумпция невиновности
человека по недостаткам.
А я строю себе памятник
в огороде из гранита
тихо и скрытно,
потом срежу деревья плодовые
и засияю как новый,
похлеще Родины-матери,
для олигархов.
Пусть носят цветы,
и пусть всё пахнет.
А пока кровь, кровью,
кровопусканием,
и мечутся копы, менты,
полисмены
как неприкаянные.
А горя еще никто не видел,
оно пока за экраном...

16.05.2013.

Крутее крутого
и всех крутых,
может быть только черт,
который в каждом
из них,
по крутизне крутого
рояля,
по крутизне крутых
медалей,
по крутизне крутого
крутни.
Крутится только
пуля в стволе
по нарезанной на заводе резьбе.
И пафосно губы сжав,
и побривши
голову, бороду
и грудь, чтоб страшить
лысого, мех отдавшего
в мусор,
страх нагоняют
на бедных старушек.
И крестятся те,
плюясь через плечо.
Крутой бесшабашный
и трус часто ещё:
если его, скажем, на дуэль,
или в цепь на войне,
или щель
в укрепрайоне.
Крутой в крутизне
по телефону,
из теплых домов
в Нью-Москве и Маямах,
в Конче-Заспе,
на пилорамах,

там, где лесоповал на корню,
крутой там герой —
крутизной по борту
и барабану
события все.

Крутой — это драма
без спиц в колесе,
крутой — это горе
ему и другим,
крутой — это море
слез и дубин...

16.05.2013.

Меня вырывает
из контекста событий
какая-то сила,
и я не успеваю
ничем удивиться.
Остаются в памяти лица
как фотографии бордов
вдоль автострад,
мне остается лишь их
неживой и надуманный взгляд
этих вершителей судеб по миру.
Для меня нет здесь кумиров.
Их нечем выделить
кроме богатств,
страсти наживы,
страсти услад.
Меня вырывает
из контекста событий
какая-то сила,
и поезд мой мчится
уже без огней
и дыма с трубы.
Паровоз мы оставили
на ненужном пути.
Всего три вагона
в броне. Я как дома,
и защищен
от глупостей действия.
Я пролетаю Адмиралтейство,
где когда-то хотел
послужить и отдаться
стихии морской,
но — неудача —
тоже был выброшен
из контекста событий.

Мне оставалось
пить и лечиться,
но водка слабела
рядом со мной,
а я оставался трезв и
ненасытен к облику мира
и цепи событий.
И жажда горела,
сжигала те дни,
что были отведены
для миролюбви,
и я оставался снова один.
Лишь поезд мчащийся
меня не судил.
Всегда было место
там для меня.
Я без вещей
бежал на вокзал,
прыгал в последний
вагон и исчезал
из взглядов прохожих,
из мира,
где ложь громоздилась горами,
её было так много, что
можно было строить дороги.
Но тревоги, тревоги людей
не давали
принять решение
о лжи и её положении,
и она оставалась опять в карнавале
надуманных песен и танцев
толпы,
а композиторы
были шуты,
и музыка дури,
и музыка чванства
вьедались в сердца,

а я вместо них
отмываюсь в дороге.
Летят мои поезда
сжигая жизнь мою
навсегда...

17.05.2013.

Оппозиционные силы
и позиционирующая власть
меняются местами
и слышно:
лясь, лясь, лясь.
Все за народ,
все за страну.
И бегут из партии в партию
как в пустоту
осенний дождь.
Новые партии и посты.
Всё смешалось
как в стаде коровьем
хвосты.
И говорят, и говорят,
еще и просят:
— Выбери! Выбери!
Я изменю
всё здесь в стране на корню!
Новое царство,
новый порядок.
Как надоел день нам вчерашний!
Сегодня поболее.
Но молчок о добре,
том, что крали все вместе,
о люстрации власти.
О, действо!
Говорят об украинской мове
и русском языке —
кто-то кость рубанул пополам
и бросил легавым:
— Ам! Ам!
Главное мова!
С нею построим страну
и дом наш!

А кости брошены в будущее
и разорвут страну
как одежду в курвище,
но говорят и пишут
о мове,
о языке
так знакомых.
А кости разбросают
украинцев с углём
и украинцев с салом.
Политика эта, может, со Стрита,
может, с Кремля,
но страна как побита,
и дурость эта
так нам болит —
не в этом ведь
причина упадка...
Но визжат: мы с мовой
построим страну как вечный пикник!
Об украденной собственности
и национализации,
о люстрации власти
за все годы
только один мой
знакомый поэт
и говорит...

18.05.2013.

Слава всем, кто умер рано,
кто убит был
и мир оставил
в войне жестокой
и никчемной.

Кто-то долго жил и прожил,
откупившись по “броню”.
Жизнь прошла в перинах мягких,
с бабой, тряпками и жрачкой,
долгая, до старины.
Я не Бог.

Не мне судить
так ушедших от фронтов
жизнь спасая,
как кротов
их немало в темных норах.

Слава! Слава
всем героям!
Без медалей и без хлеба,
без патронов,
с партбилетом,
красной книжкой, красным флагом,
верившим вождям во славе,
честно жившим и погибшим.

Слава их не слава живших.
Разнославление земли:
слава тех, что полегли
молодыми, кровью взбавив
землю, порохом пропахшую,
и поэта в хуторянстве,
иль писателя-фантаста —
слава славе рознь
вовек.

Что ты мямлишь, человек?

Что ты знаешь в слове слава,
в славе, как явлении, до боли,
в славе, что несет к концу
с ранних лет в землю сыру
войн бесславных, недалёких,
войн подонков косооких,
что заславились во славе
своей личности, сорвавшись,
прут других на смерть
так рьяно.
Слава славе тех,
кто ушел из жизни рано.

19.05.2013.

Цинизм циников
цинизации, цинически
оцененных циниками
всеобщей цинизации,
и цинизм адаптации —
ко всему привыкаешь...
К эгоизму — быстро,
особенно если он твой
и чисто тебе нравится:
я просто люблю себя.
И это честно.
Это прекрасно и необходимо.
Цинизм бахвалится,
и пролетает мимо
болящего и в темнице.
Помочь бы им,
но цинизм суетится,
цинизирует и отвлекает
от общего МЫ,
на свое Я направляет.
А в больнице, как и в тюрьме,
свой цинизм, и не один,
а как свод законов.
Цинизм докторов
и начальников в зонах.
Цинизм персонала
и цинизм затворников,
цинизм уходящих
и цинизм дворников:
— Мету гадам, мету,
и всё попусту!
Начальник деньги стырил,
и нет на новую метлу...
Всеобщая цинизация
наступила сама,
её не строили как коммунизм.

Она из-за развращенности
и попустительства верхов
как-то быстро сорвалась вниз.
А здесь ей разгуляй,
а здесь ему, цинизму, — рай
их цинический,
хоть по-нашему — ад.
Все мы разные,
но цинизм и эгоизм
как брату брат.
Кумовство и круговая порука
цинизма.
Мы хоть в чём-то
победили и опередили
мир тот хваленный,
якобы достойный.
Наш цинизм не знает
границ,
он прорвёт и потечет,
его остановит только
смерть и вечная ночь.

19.05.2013.

Монстры бездушные,
то ли страны,
то ли союзы
всевозможных целей,
а то и империи,
падают низко
в своей темени.
Горы осколков
убирать кому-то,
кто трудится ради хлеба
и мечтает о лучшем
в мире света.
Но осколки горами
гниющие
в своем бездушии,
в черствости,
глупости.
Между облаками белыми
по небу синему
ближе к вечеру
мира природы изысканному
стая журавлей —
на запад.
Крыльями мощными
в ритме машут,
и крик их я слышу
в лесу шумящем
верхушками сосен
под ветром гуляющим.
Восторг переполняет
эмоциями радости —
редкая встреча
с журавлями летящими
в солнце!

Но я оставляю лес
и погрязну без совести
между монстрами
жестоко бездушными —
человек для них
всего лишь строчка
в списке тленном
всех записанных
бюрократически бесцельно.

22.05.2013.

Падение на подъёме,
и раны на теле,
и спорят мысли
между собою:
я вернусь вниз,
а я вверх, горою.
Ты ранен,
но раны несущественные,
и мысли спорят
до шума в ушах.
Камнепад.
Мимо летят камни вниз.
Большие, маленькие,
и пыль от них
режет глаза.
Камни летят,
а я, вжавшись в ложбину,
Бога молю,
Он сильный,
и я к Нему
за силой иду,
вверх, в тайны гор, —
там небо ближе
и ближе Бог.
А камни остановили
свой поток.
Я смотрю в небо —
опять урок.
Глубины серые
полны воды
и снега мелкого,
под ними — ты.
Мысли шепчут
опять слова:
— Вернись назад,
дурная твоя голова,
там Бога нет.
Его нет нигде.

Мир случайный.
За миллионы лет
эволюции мельчайшие
бактерии под солнцем
доросли до человека.
А ты кто?
Мысли ползут
атомами, электронами,
хаотично двигаются
как в ускорителе
физиков.
Мысли.
Как выбрать правильную,
и по ней двигать?
И, вдруг, сияние
с неба лучами.
Мысли, испугавшись, притихли,
а некоторые бежали
с криком:
— Мы не с вами!
И Бог поднял меня
снова на ноги,
иду вверх, в горы,
с молитвой
о прощении всех,
кто в горе и не горе —
заблудших,
упавших,
лежащих в мыслях,
вставших,
идущих
к Богу
как и я,
который так и не знает
куда он вышел...

22.05.2013.

Стой!
Зебра. Переход.
Пешеходам красный.
Дурак ты,
хоть и из Европы,
с законом согласный.
У нас убивают на зелёный свет.
Светофор, хоть и такой
как ваш, но нет! —
здесь на зелёный — смерть.
А красный вызывает
у водителей облом:
они тебя покроют матом,
но пропустят всё-таки
живьём.
А на зелёный часто —
ложись во гроб,
несчастный
из Европы.
Выживаемость ваша здесь
полезет боком
и кривая падёт вниз.
Гранаты прикупи,
и с ними ты носись.
Вот мой друг, поэт,
в партийном аппарате
ещё при Горбачеве
получил гранаты,
которые для партии
в мобзапасе отлежались.
Он спрятал
десятки миллионов штук —
вот это, блин, заначка! —
и место то забыл.
А это вспомнил.

Случайно на зелёный проходил
и грохнул “лексус”
в печень,
бросив на асфальт.
Остался жив,
а в глазах
вертелась
карта СССР
как карусель.
Нашел то место и гранаты.
Охрана вымерла.
Солдаты несли там службу
до конца,
и умирали с голоду
и старости,
не уходя с поста.
Похоронили верных мы
в тайге —
могила братская стоит.
И при огне.
(Там газа, как
сена на лугах).
И на могилку мы
трубу поставили
в огнях.
Гранат тех хватит
всем оппозициям,
да и не стоит снег
годами ждать,
снежки лепить с камнями,
чтобы в противников
бросать,
а гранатой,
в прямом эфире —
какая будет радость
населению

и бывшим вождям
компартийным,
лежащим на кладбищах рядами.
Гранаты ведь для чего-то
коммунисты собирали.
“Арсенал”-завод
превратили в молепылесборник
с национальным лидером,
который в вышиванке
медом бесов кормит,
и на научном предприятии
мозги народу моет.
От предприятия остались стены,
но там музей —
могильник украинской
научной мысли.
Его б гранатой от ЦК КПСС...
Наверное, для этого
и собирали,
а, может, нет —
время покажет.
А пока храним
в тайге их тайно.
Покамест...

24.05.2013.

Академия пасторов
сегодня
из глубин эшелонов
преисподней кухни вербовальной
подотдела “пасторальный”,
в котором сатанизм
с христианством размешали.
Покрасили фасад институций
крестами и знаменами,
души отдав нечистым
за должности земные,
надеясь там, потом,
в глубинах черно-синих
под отблески огня геенны
и дальше жить вечность
своим холённым телом.
И много их сегодня
пасторов незванных,
но играющих с Антихристом
на одном адском рояле
музыку, что услаждает
слух всех бесов мира
и не только тут,
а там, в тех эшелонах
глубинных
бездны мрачной.
Мы
терпим.
Мы
молчим.
Мы
не боремся.
А это значит —
мы согласны с ним,
Антихристом самим.

Пасторы играют роль,
они поют —
хвалебных песен строй
как вроде для Христа,
но их нутро, фасад
и краска вся
не та.
Они от адского костра.
В депутатах и министрах
все пока,
но сгинут с бесами
когда-то навсегда.

24.05.2013.

Тихо, тихо.
Тишина до звона
в ушах.
Осенний лес застыл,
ветер на бегу
остановил себя.
И слышу шепот вдруг —
слова
молитвы ко Христу.
Я застыл от блага,
что сошло вдруг,
и радости той
дивной тишины,
которую и ветер
пощадил.
Седой старик
на камне сером
под сосной.
Шёпот с губ его я
ловил
своей душой.
Я вышел на прогулку в лес,
снять с себя усталость,
и лез, и шел всё дальше
в глубь
сквозь заросли кустов,
и вдруг такое диво наяву!
Душа моя запела,
и губы шепотом,
словами
простыми,
не из писаний,
молили Бога
и всё небо,

а слёзы ручейками на одежду,
как дождь,
весенний, первый,
который оmyвает
мир от зимы оторопелый.
Зачем я жил?
Куда я шел?
В чем мой успех?
Я был так зол на всех,
я был так резок
и горделив.
Я гнул людей
перед собой.
Я думал о себе,
что исполин я.
Весь мир, все вокруг меня,
всё я и для меня.
Такая тишина...
И ветер остановил свой бег
строптивый,
хоть срывался в бурю,
и природа вся застыла.
Старик шептал молитвы,
а я слова свои простые.
Я бы остался навсегда
в этом лесу,
но он поднял глаза,
в которых были
сила,
свет,
речь.
И я сказал:
— Иду...

24.05.2013.

Политический диспут
власти и оппозиции.
Ведущий ищет
их позиции.
Представители власти
с впечатанной улыбкой
от психологов партии,
которые к ним липнут
для зарабатывания денег
на дураках и бандитах.
А что народ?
Молчит, сам себя удалым считая,
ободранный, униженный,
угорающий в пьянстве,
пашущий в огородах
и вымирающий в неродах.
Бандиты на митингах
с группировок преступных
вместе с властью
строящие жизнь беспутную.
Страхи змеями
ядом переполненными
вползают в сознание
дворовых и придворных.
Психологи чистят мозги
власти и клеят улыбки,
закрывая их страсти.
Дымит труба
мусоросжигающего завода,
едкий дым
сгоревших отходов
полиэтилена и синтетической
одежды и обуви.

Люди дышат на жилом массиве,
кто-то закрывает окна,
а кто-то пьет водку
и радуется красивой жизни.
Сознание затуманенное
жгущих и живущих
от дыма ядовитого.
Психологи отсутствуют,
они отдыхают
в домах собственных
в местах курортных
за счет власти
народ обокравшей.
Бандиты бьют
журналистов и митингующих,
милиция молчит
и прячет руки,
кто за спину,
зад почесывая,
кто в карманы
от страха прикрывая
своё имущество.
Вот здорово!
Мир сказом и насилием
скачет без усилий,
а с радостью скотливой
к финишу-рву,
где его ждёт чистка
за то, что друг друга опустили
так низко.
Шоу, шоу
жизни обратки
из темной стороны зеркал,
где беснуется каждый,
кто путь избрал
политики бандитской.

Улыбки срываются,
маски падают
и пальцы крутят факт
психологической адскости.
Бандиты в костюмах,
галстуках и при медалях
сознания сдвинутого,
и сами страдают.
Их конец-финиш,
их радость,
конец мучений
в политической власти.
Богатство злом
повернулось ворюгам
и ядом свор
змеиных спрутов
накрыло их
и солнце спряталось.
Слёзы и смех
калашного рыла.
Дым из трубы
мусоросжигающего завода
накрывает массив,
а там тырят
и бьют менты
людей невинных.
Гибнут дети
в застенках полицейских,
их убивают
господа милицейские.
За страну страшно
было когда-то,
сегодня жутко
власть лягнулась
лепешкой коровьей
в кровавое месиво

народа разорванного
словами подлыми.
Луна перестала
светить нам с осени
и никто не видит
её отсутствия,
но самое главное —
это никого не тревожит.
Нам безразлично
день или ночь,
нам светит
психолога нож,
который порежет
сознание в фарш,
и мы пойдём
ещё дальше назад.
И власть в крови
и лепешке коровьей
поднимем мы
флагом огромным,
и понесём с собою
весенней грозой,
майским громом, молнией в доме,
дымом полиэтилена,
патронами Ленина,
лагерями Сталина,
коммунистами старыми,
комсомольцами новыми,
даже если это будут
только их головы
и руки наши
с мозгом в параше,
бандитам проигранные
на нарах в карты.

Психологи светят
фонарём в лицо,
рождаются дети
в мудрецов и подлецов.

Им вместе мир

кроить,
строить,
ломать,
строить
и жить.

Как долго в виде сегодняшнем?

Финиш-ров на горизонте маячится,

и отбросив мудрости остатки,
которые по сусекам соскребали,

мы бежим в

столетиями вымечтанное, выстраданное,

но по очередной ошибке все-таки,

как оказалось,

первобытное стойбище.

24.05.2013.

Май уходит
стрелою скользящею
незаметно, тихо,
за пределы Земли
улетающею
в цветах, цветении
и листьях насыщенных
благоухающей зеленью
на полпланеты слышною.
А я остаюсь
огорчённым лишь толику,
май мой вдруг
оказался не стойком,
не удержался красотою силы,
а ушел
как уходит всё
в этом переменчивом мире.
С дождями тихими
и громом первым,
раскаты которого
остались в вечности,
чтобы снова вернуться
когда-то обратно
и опять в мае
отгромыхаться.
Я стою спокойно грустный.
Стрела моей жизни
давно так спущена,
и время лихо
как и май
улетает тихо,
а, может, всё-таки загромыхает
небо в день тот,
месяц — неважно,
раскатами слышными
во все расстояния,

и дождь тёплый
слезами чистыми
на моё лицо.
С душой вымытой,
в цветах, соцветиях,
гирляндах огромных
весь мир мой...
Я ведь тоже
раб Божий.

25.05.2013.

Люди живут
и думают о живом.
Мысли несложные:
карьера, семья и дом.
Но потом что-то ломается,
и личность становится
всё глотающая —
и дух, и материю.
Вещизм побеждает,
и деньги, и деньги
с карьерой ломают
ещё что-то в механизме
тонком.
И личность продуцирует зло,
и её любовь вся в злости.
Шлейф тянется длинный следом
из злых шлаков
духодеятельности,
где Божий промысел
уже ушедший,
на его месте —
стадо свиней, и в них бесы.
А личность цветет
улыбкой искусственной,
а личность хамит
и злит лучших.
Зло собирается,
его много.
Но с этим человеком
всё по толку.
Он богат, пресыщен
любовью,
оргазмами,
и своею судьбою.

Ему поют и подпевают
ради счастья оторвать
немного богатства,
откусить сладкого,
а потом уйти
таким же многоэтажным.
А зло клубками, как змеи едкие,
собирается в клетки
людьми проверенными,
воинами вечности.
И в день обычный, —
за порогом, —
зарвавшиеся получают
свою всю нечисть
обратно,
и улыбка слетает с лица
важного,
голос срывается
словом правды.
Но кто поверит
личности, выпившей
крови людской безмерно,
слышите?
Но остатки души
и сознание сломанное
начинает принимать
своё зло с оскоминой.
А дальше время
и Бог вечный
решат, что делать
с таким человеком.
Надежда есть
всегда и всем,
но попробуй
переработать вернувшееся
зло.

Артель нечисти
и свиное стадо —
его переплавить
сколько слез и своего
личного горя надо...

25.05.2013.

На головах у нас наушники.
Наши руки связаны:
у кого спереди, а у кого сзади.
Мы лежим рядами.
Освободиться, хоть казалось бы
и нет преграды...
Мы не можем двинуться с места.
Какая-то сила нас держит
и льет в голову
музыку,
речи,
слова, спичи,
и мы дуреем.
Этот поток беспрерывной
словоужасти
ломает нам волю
и желание сузиться
и выскользнуть.
Мы лежим рядами
со связанными руками.
Это не мешает размножаться.
Растят детей
в специальных интернатах.
Нас кормят и одевают,
мы ходим на прогулки,
но наушники не снимаем.
Мы к ним привыкли,
и с ними легче.
Ушли наши мысли
о времени и в нём нашем месте.
Всё готовое,
на все случаи:
будь-то выборы нового,
будь-то желания.

Чистые, вымытые
мы лежим рядами.
Нас моют пожарники
пожарными рукавами —
пена, мыло, гель
и шампуни
вытекают с ушей
как изо рта слюни.
Мы уже даже
счастливы
и привыкли, что связаны.
Это наша свобода,
и мы живём
беззаботно.
А в наушниках
музыка,
слова,
спичи,
речи.
Как бывает приятно
и легко,
что все наши проблемы
они взяли на свои плечи.

25.05.2013.

Конкретный наш простой
пацан с погонялом “Румын”
известным стал всей стране
за то, что на митинге
оппозиции людей лупил
и журналистов сокрушил
ударом мощной руки,
уже имея судимость
за кражу.
Кошельки, часы чужие
покая не давали не раз ему.
Ну, есть судимость,
почему бы
не послужить
террикональной партии
за хорошую, блин, жизнь?
И он им послужил.
Из под ареста выкупили
за много тысяч
и увезли на БМВ Х-5
к водяре, девкам.
Вот жизнь боевиков
в центре Европы!
Завидует полстраны бандиту.
— Что ты, что ты!
И мне б такое! — говорит
студент голодный:
— Журналисту голову разбить,
а там привольно себе жить...
И это смена новая растет —
их много, много с антимира в долг.
...Ещё судимость, ещё и
через год.

Он высоко пойдёт,
и будет нам когда-то
губернатор,
премьер-министр,
а то и президент.
А ты, Европа,
со своей НАТОй
сиди тихо
и как лягушка квакай.

27.05.2013.

Реквием пасторов
всех церквей
на Днепровской горе
возле Родины-матери.
Омывая слезами
город Киев святой
и всё, утраченное в нём,
поминали.
Поминали заводы
и научные центры:
“Арсенал”, “Коммунист”,
“Большевик”, “Станкозавод”,
“Электронмаш”, “Радиозавод”,
умершие
от чумы, борьбой
со всем советским
прокатившейся,
удививши мир.
Зачем?
Пусть там флаги и герб
с идеологией,
пусть партия Ленина-Сталина,
и те многие,
что балластом служили
на лодке большой,
но наука! Наука
и технологии промышленные
здесь то причём?
Вы скажите премьеры
и президенты страны:
кто купил вас?
За что и за сколько?
Штаны и ботинки,
часы и портьеры,
роскошная жизнь...

А ученые и инженеры
за рубеж и на водку
отправлены вами.
Чей приказ исполняли,
предатели?!
Драмы, драмы, драмы...
Мы упали в века средние
тихо,
но текли ручейки денег
грязных
и лихо
в руки ваши в проказе.
А головы ваши
здесь, только здесь
уцелели.
И пасторы
реквием
исполняют у речки,
у чурбана железного —
женщины-Родины.
В километр её сильные
плечи.
В небе в дар вы
получите всё:
и за храмы построенные
и жильё
для священников,
личных пасторов ваших.
Вам деньгами вернут,
вы получите их
там на сдачу.
Реквием
по науке и промышленности
пропавшей.

На фасаде строя нового
вы топчетесь и воете,
а внутри всё осталось
советское, компартийное
ваше вечное.

Реквием...

27.05.2013.

Жизнь не то,
как думал я вначале.
Жизнь другая
потом меня помчала.
Тормозить, осмотреться,
собраться
было некогда.
Счастье!
Там, впереди,
разбитые, мрачные дороги.
Ноги
болели и ныли.
Ныло сердце, душа.
Мы спешили, но
так, не спеша:
как платили,
так и работали;
как учили, так и любили.
А жизнь мчала
по кругу бессчетному,
на прямую сорваться бы.
Непросто то.
Нужны связи и блат
бесконечный,
нужен ум холуйский
безликий.
А мы прятались
и любились,
а мы прятались
и в мечты уходили,
вороша в голове
только счастье,
отхваченное, оторванное
и потраченное.

На потом оставляли
мы цель.
Жизнь несла, не жалела.
— И пей! —
говорили себе,
вином заливаясь.
Кто в дебилы зашел,
кто в могилу сошел,
кто остался,
но зол.
А тут искра, и
пламень взорвал
всех с отметиной,
всех, кто ранен
советчиной.
И как дикие орды
степи
мы пошли.
За кем, с кем, куда?
Но мы шли.
А они ниже нас
по достоинствам,
а они прощельяги,
не дворники.
Они грязь нам совали
за пазуху,
они мусор давали
как радости.
А мы в тумане глаз
со злом,
а мы с душой, что
на полом,
а мы туда, где нас не ждут.
И новый, новый круг.
Насилие стало нормой.

Пистолет, нож,
“калашник”, патроны,
и цветы, и цветы
по телу во гробе.
Ах ты жизнь
моя с отметиной
и раной!
Ах ты жизнь — подарок
Бога
без охраны!
Ах ты жизнь
сам с собою
снова колом!
А года, года ушли
по протоколу,
круги вращая вокруг оси
со ржавым скрипом,
кровью поливая
шестерни с излишком.
Лишком...
Лихом...
Лихо...
А небо голубое.
Тихо.
А ветер с запахом морей
и гор,
и там простор.
Но не угнаться
нам и мне.
На спор:
что-то не так
то здесь.
У них тоже бардак,
но скрыла шерсть,
у нас открыто всё
и вся.

У нас любовь,
когда дала,
у них бордель,
но менеджмент.
У них свобода.
Айн момент!
Топор и нож,
и пистолет.
Взрыв!
И многих нет.
А небо гонит ураганы,
а небо стонет, стонет.
Сами...
А как самим?
И ветер шерсть срывает в дым —
им!
И оголяет то, что
скрыто было много лет.
Гимн
пою я жизни и любви —
и им, и нам,
и соловьи мне подпевают
по ночам,
а днём
вороны серые и черные —
и тут, и там.
Я жизнь отдам вам
за всё.
Я верен всем,
и про запас
чуть-чуть отстал я
от толпы,
что кругом крутит
всем круги,
но вниз буравит
стержень наш.

О, Бог!
Мудрец здесь —
ералаш
и пофигон,
брехло,
и видит только нос свой
и свой уютный дом.
Жизнь поделом.
Но скоро — гром.
Гром, гром, гром!..

27.05.2013.

Ночной звонок,
и голос уверенный в себе
из телефона.
Он не предлагал мне должность
на аэродроме
или в госаппарате, или верхдоме.
Он не предлагал мне помощь
в финансовых затратах.
Он попёр катком донецким
со страшною.
— Сотру! Убью! Урою!
Крик его черною стеною.
За что, я так и не узнал,
и матом русским ночь
он поливал.
А майский рай
на днях уходит.
Приходит лето
и не тревожит.
Спокойствие отпускает
мысли,
а, временами, от окружающих земель,
взрывы
агрессии приличны.
Затянулся весенний ураган,
и не прошёл к началу лета.
Сколько людвы
ломается и бьется
головою не в те двери.
И спесь, и речи
арсеналом
для милитари-действий.

Было бы оружие
свободно как бананы,
мы бы потрясли
все страны,
ставя на место боссов и их охрану,
хозяев жизни
с дыркой от рожденья в голове,
откуда выплыли мозги
давно уже.
И их поведение
только злость,
агрессия угроз.
А, может, у них,
вместо мозгов ушедших,
в костях черепа
сидит сам чёрт.
Май,
и каждый день
гроза и дождь.
Но что-то всё-таки
меня грызет.
Надеюсь, это отойдёт,
и я пройду,
и отойду,
людей своих родных
оставив на беду
неолиберализма
и догмы его ада.
Но я бороться буду,
и с отвагой
это сломаю всё.
Со мною Бог.

А лето пусть заходит.
Оно воистину прекрасно,
и красотой
с блаженством
вопреки всему
венчает год,
сменяя навсегда весну.

29.05.2013.

В дебри завели меня менты.
Издевались и пытали,
бизнес весь забрали,
психику мою сломали
и в агенты-стукачи
подписали.
Время шло, я что-то делал,
хлеб и кров
мой скромный.
Целый день трудился горько,
а вечером опять ментовка.
— Ты на этого пиши,
а на того в суде скажи
то, о чем напишем мы.
Дай показания судье.
Я крутился как
только мог.
Писал жалобы
в верхпост,
писал главкому страны.
По барабану.
Пацаны.
Бандиты сами.
Хамы, звери,
и дверями
зажимали пальцы мне.
Я орал как
на огне.
Но однажды в день
пригожий
они взяли меня
тоже
на дела свои
черны.

Бизнесмена с головой
и деньгами —
ой-ой-ой!
Голову себе забрали,
деньги тоже.
Обокрали всю семью
и порезали
как травы на корню.
А потом — пикник.
Гуляли.
Водку взять меня послали.
Я в машину,
там гранаты,
штук под сорок.
О, ребята!
И я все себе в мешок,
и в кусты подале.
Через неделю вновь
они гуляли,
а я — бомж в плаще
большом.
— Туфли разные
на ём, —
так сказал мальчишка
маме.
Штаны рваные,
и шрамы
от побоев на лице.
Под плащом гранаты
я повесил
по всему телу —
я ж разведчик в самом деле.
И пошёл, хромая,
в путь.

Вижу — едут, едут,
прут!
Тачки “порш” и “БМВ”.
Я три штуки,
не жалко мне,
им под шины.
Взрыв, огонь и
дым.
Машины погорели
на утиль,
и заразы эти — в пыль.
Тут менты и журналисты:
камер, камер —
выше крыши.
А меня прогнал ментяра:
— Иди вон и не мешай здесь
нам всё обшарить!
Я пошёл, хромая, дальше.
Вижу “мерс” и номерок
крутой из цифр лишь трёх —
я гранату под капот.
Тот же взрыв,
и то же пламя,
дым и вонь горелых шин,
пластика.
И снова
менты, бегают вокруг
журналисты,
все орут, что, мол,
мафия, ну, спрут,
мочит тачки и крутых.
Я ушел,
но не притих.

За углом
летит ракетой
длинный “ауди”
отпетый,
с номерами,
хром и блеск.
Я гранатой чуть
под верх,
под мотор,
и снова вонь
от огня и дыма.
В гром
телевизоры орут:
— В городе войну ведут!
И идут десять тысяч
от спецназа,
и спецы из их Генштаба
в телевизоре мелькают.
Город взят в кольцо
надежно, — так они нам всем вещают.
А я в мусорнике роюсь,
снедь в корзины собираю,
вешаю на плечи их,
и в плаще своём гуляю.
Грязный, рваный
и помятый.
Третий день
гранаты ищут своё место:
где, куда, и под кого.
Разбросал я все.
Ого!
Не пройти и не проехать —
шмон машин, людей.

Из окон лица
хмурые глядят.
Город замер,
а я здесь
вновь на мусорниках
роюсь,
шляюсь, сплю на лавках
в парках,
и не нужен никому —
вот свобода! —
и махну на море
на всё лето.
Это да!
Хоть пожить смогу
по-людски!
И я вышел из кольца
города, где я
всех чуть
с места сдвинул,
и пешочком,
помаленьку,
потихоньку
к морю двинул —
навстречу
утреннему солнцу...

30.05.2013.

Захитався світ.
Біля озера в діброві
тополі
сльози ллють.
Кору здерли —
голий стовбур.
Гілки сохнуть,
ронять листя,
вже тополя помирає...
Світ хитається,
чекає
волі з неба,
та хто знає
стільки тих,
хто ліс рубає
ради грошенят
та слави,
для достатку —
не держави,
не народу.
І засохла та тополя.
А людей
рубає доля...

31.05.2013.

Слабоумная старуха
пальцем вертит
у виска —
из Советского Союза
в ньюлиберализм она
зашла.
От унитаза
для министра
в дамы важные
не вышла.
Тяжек груз
с плеча о землю.
С тех советских
дней
в деревню тащила,
что могла:
соду кальция,
трапье, то есть ветошь,
мешками,
хлорку, мел
и канцтовары.
Тырила и продавала.
Как сейчас говорят:
выживала.
А сегодня — миллионы,
дети, внуки...
Грозы, громы
и убийства всех людей,
кто не хочет поделиться
домиком или землей.
Слабоумная старуха
чешет
пальцем своё ухо —
символ дня, да и эпохи.
Сплошь бандиты
и скоты.

И ползёт чумой,
рысача по земле,
зараза наша,
вирусом врываясь в мир
из далёкого Советик.
Вирус тот был слаб
как дети,
этот, выросший сегодня,
он мутант из преисподней,
внук антихриста и бес,
и уже везде полез.
О, Европа!
Эх вы, Штаты!
Здесь просчёт ваш.
Виноваты вы вполне.
И наш вирус у вас уже
везде.
Слабоумная старуха,
мать детей,
в которых пруха
денег грязных,
и они уж в князи прут.
Крест и церковь
их спасут.
Но тот крест — лишь
внешнеформа,
тот священник —
не из дома
Бога Вышнего,
святого.
Тот священник —
лишь собрат
денег толику
с ребят
и ухоженных девчат
с миллионами.

Грабеж, убийства,
дурость, хамство,
лихоимство.
И гордыня на машине
от Европы
тащит
тех уродов
от народов.
Вирус выполз
тот надолго.
И не взять его судами,
перепродажными ментами
и врачами-лекарями
с партий, что
больны им сами.
Эх, Европа,
и вы, Штаты!
Получите себе гадость
из одной шестой от мира,
где нет Бога,
лишь кумиры —
ваши деньги и машины —
символ счастья,
кайф наживы.
Слабоумная старуха
вертит пальцем у виска...

01.06.2013.

Я унижался,
меня унижали
на уровень грязного,
в трещинах и ямах, асфальта.
Мы выживали.
Так говорили и так понимали.
А в самом-то деле
нас выживали,
и выжили ловко,
как мошенник в наперстках,
из нашей страны
и нашего дома.
Мы, не рабы,
стали рабами
всех, кто при власти:
от дворника и управдома —
до самого главного,
но шаткого, трона.
Но мы так и не поняли,
что происходит.
Нам вставляют
и нас выставляют
пугалом кризисов,
пугалом спада,
на самом то деле
перед нами — преграда.
Мы не имеем дома, страны,
мы выброшены вон.
Как хитры,
умом поднабравшись
от самого дьявола
и разгулявшись
по разгуляеву одной шестой мира
наши горем руководители!
Люди здесь — фишка,
народы — другие,
народы, развеяны прахом
времен

на удобрения
и ещё корм.
Нас убивают,
мы умираем,
нас стаёт мало,
и мы не страдаем
от этого действия.
Мы, как собака-ищейка,
что много часов
на поводке,
и хочется есть и спать,
и уже
всё остальное нас не волнует.
Книги — растопка
печек-буржук.
Книги лишь чтиво
о низостях страсти,
книги — товар,
но это несчастье.
Слово загнали
в подспуд и надолго.
Слово раскрыло бы
обман этот скоро.
И мы, метля языком,
как те змеи
для ловли мошек
для еды опять вволю.
А слово, слово...
В нем истина, правда.
Но бузотеры
взрывают люд справа,
другие слева,
а кто-то по центру.
А сзади — опора для зада
под троном,
бишь оппозиция,
машет законом
или проплачено-купленным
флагом.

О Бог мой!
Какая неправда!
Умой нас рососою
чистого утра,
ливнем облей
от пят до макушек!
Пусть наши глаза
увидят неправду,
что за забором
закрыла и правду,
и только языки
сквозь штахетник
мелькают,
и говорят, говорят,
и мешают
грешное с праведным
мед подливая,
а сзади — дёготь
в бочках до края.
И пить будем это
ещё в поколениях
с глазами запавшими
в мозг от давленья
тех языков,
что сегодня плескают
речками яда
и нас напивают.
Мы умирали,
и мы умираем.
Думаем, спим,
но нами давно
грязно играют...
Мы выживали, и мне очень стыдно:
лучше бы смерть нищим,
а не быдлом.

01.06.2013.

Измы сзади,
измы справа,
измы здесь,
и слева тоже.
Но всё — побоку.
Хорошо, что их лишь два:
коммунизм
и это...
Вспомнить долго не могу...
А! Капитализм!
Я в нём живу.
Измы два,
но нам неймётся:
мы в одном,
а в другой рвёмся —
как дорвались,
так и звались.
Не подходит —
прём в другой,
а там то же —
тот же строй,
с теми же людьми
и властью.
Измы в плесени
и гадстве,
что не дай,
мы всё запорем —
от машины до забора,
а система нам
как девка:
обмануть её,
утешась,
и к другой,
(запасной аэродром).

Туго, туго
здесь у нас,
а особенно с умом,
крутим, вертим,
и шаром
хоть покати, но
мы умнее всех.
Идти — так хитро.
Мы не сеем и не пашем,
не куём и не сажаем —
нам всё даром подавай,
то ли с запада,
то ли с востока.
И на стульях двух
наш трон,
но стоит —
иллюзион
на весь мир
как каланча
под верх неба.
Наша взяла
всех пока.
И союз Европы пофиг,
и российский растаможим,
что таможенный пока,
всё возьмём — и от быка.
Хитрость наша
навсегда,
а их измы — нам
на грудь,
что пол-литра водки,
вдруг щипнет
где-то внутри.
А народ как?
А крутись!

Мысль бежит,
потом другая:
пусть народ и заседает
по кухонно-банным
залам,
их на больше не хватает.
Время трёт и камень в пыль.
Так и мы.
Вот и костыль Юле
дали вместо шапки
Мономаховой в обвязке
камней самоцветных —
тот костыль ей как доспех.
Попривыкла.
И сопартийцы попривыкли,
и народец попривык
с костыльком
и измом жить.
Жиг! —
и шапка наша.
В этом деле мы,
папаша, впереди планеты всей:
шапки тырить
всех умней.
И дошли от кролик-пыжик
до Мономаховой.
Тырить,
тырить мы умеем,
хитро стелем,
хитро мелем,
хитро говорим повсюду,
а народец:
— Тяв! — из буды,
но то редкий индивид,
а в основном —
в поле своём сидит.

03.06.2013.

Депутаты в зале строго
слушают
с трибуны слово
важно и судимо.
Выступающий, Иван,
чуб длинный
на лысину
налеплен
и приклеен клеем,
(гений!),
чтобы ветер
не сорвал,
и бок лысый
на голове не показал
молодым зазнобам
красным, —
не по линии партийной,
а по внешности прекрасным.
И он важно-важно,
стройно,
машет
законом-словом,
и подкладывает
снедь
партии
и президенту.
Всем доволен казнокрад,
социалист и либерал.
Перепутаны сознания,
не только в нём,
а во всём собрании.
Ваню слушают,
а сами
по чужим карманам шарят
взглядом.

Друг у друга
в кошельки,
как экстрасенсы.
Мастаки!
И страдают потом сами —
в того больше
этих мани.
Там, где меньше,
радость прёт.
А народ?
Народу — драмы:
слёзы, смех и драки.
Мани, мани...
Мама вырастили сами
извращенцев на диваны,
креслы мягкие.
Созданья!
Ради денег их страданья.
Мысли, мысли...
Как обтырить,
обвести коллегу, хитро
так обчистить, оторвать
этих маней
на кровать,
на машину,
на “клубничку”,
что вошла в моду
быстро и красиво:
попы, сиси —
сладость! Диво!
А потом — на перелёт
в дальний край,
на сверхкурорт,
а оттуда —
во дворец,
где жена моложе всех.

И трибуна не пылится,
трут её
известные стране всей лица,
крутят словом от закона —
для своих же
дел основа —
дерибана навсегда
экономики.

Труба!

Труба, друзья.

Не пионерская, у костра,
а настоящая,
которая нас здесь нашла.

Мы право дали, волю,
волю грабить нас,
и долю нашу горькую
мешать

перстом важным.

О!

Опять кто-то снова
трет трибуну,
мямлит слово
как нам думать.

А парламент весь в работе —
шарит оком,
важным оком,
от бумажки на карман.

Давит кнопку,
и опять по карманам
друг у друга мани —
тяп!

А от верха носят сумки,
в них зелёных денег —
ух ты!

И раздача за подачу
пальца с кнопкой
в передаче
собственности.
За честь
тут забыли
на тыщу лет.
Мани, мани.
Деньги, деньги.
Это слово есть основа
мира ныне
не простого.
Это слово бог
нам снова,
но не в небе,
а в кармане,
и мы любим его.
Мани...

03.06.2013.

Министр обороны, обороняясь,
захватывает всё новые земли,
стараясь
стать самым богатым
в Кабинете министров.

И ему это удалось.

Куда выше!

Шестьдесят участков земли,
дома, яхты, квартиры,
и счета, счета, счета
для себя и семьи своей,
чтоб потом по Пикадилли
гулять с внуками
наслаждаясь.

Жизнь сложилась,
удалась!

Бес жертву метит.

И президент в Междунорье
ответит.

Когда-то...

Кому-то...

За то, что не стал

министр героем:

не дал он звезду ему,

а роет себе новые

траншеи под фундамент

глубокий,

а офицеры армии бутафорной
бездомны, безоки.

Не воины.

Терпят произвол власти,

как женщины критические

дни, хоть они им и надоели.

04.06.2013.

И снова меморандум
и универсал
имени Супченка президента,
что пропал
где-то между щелями
политических устройств.
Пропал и не сует свой нос
в новейший геноцид
и произвол,
в новейший ужас
на земле своих врагов.
Но Юля захотела так:
оппозиция и власть
в один кулак,
и им ударить в
дверь чугунную Евросоюза,
и подписать ту ассоциацию,
которая как лужа
среди весны.
Не переплыть,
не перейти,
но потечёт сама,
жара её погонит
в низины и в луга.
А Юля неправа.
Акцию на половине
“Восстать бы Украине”
она хоронит
на года.
Память её стянула
всё-таки туда,
где было кресло,
власть,
и меморандум помог
жуликам на верх попасть,
и красть, и красть.
Эх, оппозиция!
Эх, власть!

С богатством
на борьбу попасть —
это не выкладка боевая
у солдат,
килограммов
двадцать-двадцать пять,
а многотонны хлама
из имущества —
основы
жизни сегодня всех,
кто смог рвануться
и оторвать
полдома,
а кто лишь шторы
от царя Гороха,
а кто грамоту ЦК КПСС.
Для Бога все равны.
А мы хитрим, хитрим,
и молимся Ему
за счастье лишь своё...

04.06.2013.

Счастье человеческое —
дом и семья,
квартира, земля,
машина и мебель,
отдых у моря,
карьера.
Одежда, украшения
и домотехника.
Сад цветущий,
газон,
и без перебоя электрика.
Книги хорошие
и картины.
Посуда, утварь,
и бесконечно новые автомобили.
Лодки, яхты, катера
и водные мотоциклы.
Камин с дровами
и хорошее вино,
и чтобы никогда не вышло.
Коньяк, сигары
и дорогие парфюмы.
Массажи, бани,
и секс в них нужен.
Ковры мягкие
шерсти отличной,
и на них кувыраться,
чуть-чуть подвыпив.
Собака, кошка
и другие животные.
Аппетиты растут
и хочется ещё б чего-то:
и домов, и квартир,
и машин побольше.

Денег, денег,
и власть, что гложет
и спать не дает,
хочется тоже.
Всем всего не хватает
в безмерных желаниях
Земли проходим.
И тут гвоздь программы
и мыслей с грёзами —
с оружием в руках
выйти охотиться
на всё, что движется
ночью и днём,
рядом, на улице,
да и дальше пойдём,
силы много,
и в страны другие.
Счастье человека
в антимире.
Небо, небо такое разное,
всё меняющееся,
и не бумажное.
Деревья, цветы, птицы, травы...
Не всем принять эту
для души сладость.
Счастье человека
у каждого по-своему,
но основная масса
на счастье набила оскомину
и теперь ждет
адrenalиновых всплесков
от стихии и бури природы...
Глобальный климат
осчастливит многих.
Процесс начался.

А мы по прежнему
у Бога
для себя, родных
и любимых,
что-то просим.

04.06.2013.

Шорох, шорох, шорох...
Ворох, ворох, ворох...
На моей спине
жизни кладь.
И не помню толком,
что там в тех коробках.
А ноги тянут ходку
первую пока,
и шорох тех пожитков,
которые собрал.
Ночь который день подряд.
То ли Солнце нам потухло,
то ли я потерял
последний глаз.
Ночь, ночь, ночь.
Не вижу я дороги,
но кто-то всё-таки ведёт:
то река вброд,
то река вплавь,
то болота,
где меня грызут комары,
жалят змеи,
или душит удав.
А вот и горы.
Вершины со снегом, льдами,
там, далеко, за облаками.
Но та же ночь,
и я уже привык.
А что мне видеть?
Этот жуткий мир,
который выбросил меня
из себя, от себя,
во вне и в никуда?

Там, где я сейчас,
мира нет,
а лишь земля
и ночь сплошная.
И нет здесь докторов —
вставить новый глаз.
А, может, Солнце
вновь взойдёт когда-нибудь,
а, может, умер я,
и это скорбный путь...
Я щипаю себя за щеку,
мне больно,
значит, — живу.
И кто-то внутри шепчет мне:
— Ты избранник из всех,
потерпи.
Иди...
И я, срывая пальцы в кровь,
ломая ногти,
цепляюсь за ветки
колючих кустов
и землю в камнях, —
они срываются, летят
куда-то вниз.
И чувствую душой —
вверх мне не дойти,
да и не нужно,
а горы пробивать,
копать, копать, копать,
и камень в песок перетирать,
и там, далеко,
а, может, близко
я Солнце, быть может,
увиджу.
Жизнь по судьбе
слепоокой
ведет меня с грузом,
и шорох в коробках.

А бросить всё это нельзя,
оно как вросло
всё в меня.
И вдруг взрывает слеза —
а как же те,
у которых
другая судьба
и столько всего на горбу?
Как им идти?
Я стону от жалости к
людям своим,
а голос внутри говорит:
— Не пойдут. Не идти
им сюда.
Там мир их,
и они в нём уже навсегда.
Они празднуют праздники
жизни.
Мир их,
хозяев земли,
а такие как ты,
писатели,
изгнаны.
Ты последний поэт.
Ты живой.
У тебя забрали лишь свет,
и из мира изгнали
сюда.
Здесь тебе — та же
борьба.
Груз сожги,
обжигая себя,
заживут те ожоги...
Меня греет и греет огонь,
вдруг жара, боль и кровь,
но при этом — легкость
в спине,
и я падаю, качаюсь в траве.

Раны, раны
разорванных тел,
раны душ тех, кто
в мире уцелел
и был выброшен за ворота.
Раны глаз...
И вдруг Солнце!
Мой свет,
и мои облака...

04.06.2013.

Вокзал.
Море движущихся людей,
и голоса их соединяются
в единый звук шумящий.
Музыка шума,
и мир как ненастоящий.
Лестницы вверх
и лестницы вниз.
Эскалаторы.
И ты спешишь
на перрон.
Поезд, вагон,
и новая жизнь.
В окнах мелькают пейзажи.
Держись!
Иногда, страх
вибраций вагона —
его бросает и бьет
на стыках рельс.
Знакомых много
новых,
и снедь, совместно,
на купе.
Историй не запомнишь
всех.
А рядом, в спальном вагоне,
важный смотрит
в окно,
и ладони рук
холённых
лежат на колене
женщины томной.

И глаза её
чуть пьяны,
а шампанское, болтаясь
на столике,
выпускает свои пузыри,
они движутся
к горлышку вверх.
Смех. Веселье и смех.
Мы надолго вдвоём
ото всех:
от жены, от мужа с детьми,
от работы,
которой полны,
отлюбляясь в любви
пополам.
А вагон музыкой
стучащей нам...
На вокзале всё та же
жизнь.
Музыки шум,
и запах специфический.
Из дверей
выходит народ.
Трамвай...
Он пропал уже,
не один прошёл год.
Троллейбус исчез
в мартене.
— Такси! Такси!
Обалдели...
Такие суммы,
за что?!
Проститутки гуляют,
и ищут безумных ещё.

Безумным людям
и детям-бродягам
здесь рай.
Зазевался в толпе?
— О, мой чемодан!
И вши ползут по
косам девчат.
Они двойняшки,
и здесь уже лет пять.
А спальный вагон
спешит, спешит.
Важный дядя
лежит,
рядом томная женщина,
пьяная.
Мужа оставила на время,
и сбагрила деток
деду в деревню.
Вот это жизнь!
Вот только он старый,
её попутчик...
В купе уже говорят
обо всём.
Шепотом о политике.
О, дурдом!
О ней нужно с топором,
а, лучше, с мечом.
Но на поезде мчится
мой ошалелый дом.
Кто куда?
А жизнь, а жизнь
впереди поезда, бегом.
Бездомным вокзал как дом.
Девочки, вши...
Это, ведь, норма кругом.

04.06.2013.

Вжимаясь в землю,
теплом сердец
её мы плавим,
и видим свет
из глубин далеких,
где всё в огне, —
огонь здесь узник,
и не себе он служит.
Нет!
Он без свободы,
и только свет
лучами с сердца
как сигнал.
Земля взрывает
очередной вулкан,
и здесь свобода
огню без уз.
Он рвётся снова,
чтобы без пут
всё больше, дальше!
Но есть предел.
Огонь обуздан.
Потух вулкан.
А свет с лучами
всё глубже в ад.
Мы видим лица
и слышим плач.
И скорбь грехами
огня с углями
как можно долго
держит тех,
чья дорога была успех.
В расцвете славы,
богатства дней
с жестоким сердцем
среди людей,

но глаз в прищуре
не замечал
как больно людям,
не помогал
уменьшить груз
страданий старца,
уменьшить груз
как безысходность.
Алчность
с ложью.
Гордыня
со злостью.
Мздоимство
с нищих.
Вокруг цветы.
Оркестры труб
горящих медью.
И слава, слава
без победы!
Себя!
Слава!
Туда!
И только редкий
вулкан
опять бросает магму
и пепел вверх,
и пламя снизу,
и жар, и крик.
Огонь свободен,
но он как щит
выносит массы
прощенных там
в горячей магме
в своих страстях,
в своих грехах,
но Бог милостивый
и даёт нам шанс...

Земля впитает
тепло сердец
и расплавит путь вниз,
чтоб вверх
поднять хоть немногих
из всех...

06.05.2013.

Душа в темнице тела,
которое умело
как надзиратель
по тюрьме
томит её в себе.
И тело, часто ненадёжно, —
ломается, выходит
из нормостроя, —
для души
в нём мрак,
неволя.
Душе бы вырваться
в свободу
и тех грехов, страстей,
что тело носит,
ей бы не видеть больше,
но тело, несмотря
на частослабость,
на вродехилость
и неважность,
железом держит душу.
Ей не вырваться наружу!
И терпит тела
бесконечные желанья:
то вкусной пищи,
то украшений,
то повышений званья —
звезду дай на погоны,
дай новую одежду,
и благ цивилизации,
всех, и только мне,
и без конца.
Это жизнь земная.
Да?
Да!

Да и радостей в ней много,
и львиная их часть —
обслуживание тела,
по другому
мы не умеем.
Аскетизм?
Нет!
Не для нас.
В нём радости нет.
И только час,
ожидание его,
часа того,
который простучит,
и душа в счастье улетит.
А тело — в землю, навсегда.
Земная жизнь
страданиями так полна.
Причина в теле.
Стараясь для него
мы совершаем преступления,
мы врём,
и даже войны — ради тел
одних,
чтобы убить в тысячи, миллионы
раз больше других,
а этих усладить, насытить.
Душа берет грехи.
Много их, не перечислить.
И с ними ей на суд идти,
оправдываться, страдать,
искупать,
и всё ради горсточки
земли или праха.
Вот, лежит. Возьми, похорони,
или рассей.
А сколько горя
принесла себе, другим
всего лишь горсть земли...

Тюрьма души
и сейф — хранить ее грехи,
ведя себя
как для себя любя.
О, тело!
О, душа!
Небо и земля.
Круг. Стрела.
Святость
и низость дна.
Разные тела...
С небес, сюда!
Душа всегда чиста...

07.06.2013.

Звонко, эхом,
как в лесу,
мое слово.
Пишу.
Эхо повторяет эхо,
и несётся по планете.
Как оркестр
играет,
мое эхо повторяют,
и слова летят, летают.
Многие становятся гранитом, камнем,
глыбой,
а на ней громоздится
новый камень вечных слов,
что сорвали ход основ
замусоленных тех слов,
где грибки и плесень.
Звон
разбитых храмов веры
в идолов попсовой арены
и трибун правительств скверны,
где лишь пакость, от таверны
выброшенной пищи.
— Верно, верно! —
мне кричит стая птиц,
что вновь летит
к талым водам
от весны,
к новой жизни,
где с детьми
облетают мои горы
слов из камня.
Априори:
— Ты не прав, —
скажет мне солдат, что спал
всю войну,

а в день победы
побежит обедать смело,
грудь подставит под награды.

А антихрист скажет:

— Рады!

Рады мы таким бойцам по миру,
им пожать всем руки!

— Смирно! —

прокричит и генерал,
продавший себя врагам,
весь в медалях, орденах,
золотом мундир
объят,

как огнем

горящим в печи,

где расплавлен меч и свечи.

— Воин, который вышел,

победил

словами,

слышишь,

чудо-человек?!

Воин вышел сам во век,

где кошмарится мораль,

где продажных тварей тварь,

где ушла любовь

по телу

от оргазмов по борделям.

Воин умер

не от страха,

не убит был вашим махом,

он ушел по скалам вверх

гор из слов моих

вовек

чумства веры,

и поклонов

зверю зверств

и грязи дома,

что стал всем родным
и близким.
Храмом стал.
И пастор низкий —
сам антихрист.
Эхо слов, срываясь в эхо,
движется и рвёт планету
по больным местам
с людвою,
потерявшей силу, волю,
потерявшей жизни цель,
ставшей как артель
по пошиву пиджаков,
где украли ткань
для рукавов —
где то стыдно,
то обидно,
где все пьяны, и не видно
дня позора и упадка.
Эхо близится обратно,
обогнув Землю по кругу
и построив горную грядку
шестую.
Каждый материк
услышал.
Многим стыдно.
Больше тех, кто ненавидит,
презирает
и взирает
вниз, под ноги,
ищет камень,
чтобы бросить
мне в лицо.
А я пишу про подлецов.
Я пишу о Правде.
Жди!
Ты человек, значит, услышишь!

Если нет,
и не напишешь,
и не бросишь камень ты.
Страх сковал тебя.
В груди
сердце умерло,
ушло
в дом антихриста.
А что осталось?
Сам спроси
в Христа
в тиши...

07.06.2013.

Брызгами роса с туманом
на моих ногах
раны притупляет боль.
Мы идём с тобой вдвоём
как всегда,
разделяясь лишь на время.
Взвесить чувства,
искры веры
превратить в огонь
тот вечный,
что горит внутри вселенной
наполняя мир любовью,
созидаая, не круша
истины, и всё для дел,
от которых
милосердно
близким, больным и бедным.
Шелк ног твоих в росе,
в каплях брызг
с туманом, здесь
и следы по травам влажным.
Они пахнут раем.
Важно две вербы
от ста лет жизни
над рекою
память листьями
отдают в осень реке,
а она несет их...
Где?
Где
ты был? И ты где в лете
сто лет назад
как эти вербы?
И роса на наши ноги.
Раны больше не тревожат,
и туман, стекая вниз,
прячется от солнца.

Бриз
воды еще прохладной,
ветер гонит канонаду,
что осталось у нас сзади,
той войны,
что проиграли
нам навечно.
Мы восстали,
и все встали
перед духом силы.
Краем убегали
все, кто против,
против Бога,
против Солнца,
против инея росы
на ногах любимых.
Стык эпох тысячелетий.
В прошлом всё было,
и светом в памяти вселенной
и эпоха Возрожденья
и эпохи войн кровавых
за золото и деньги.
Шрамы, раны...
Рыцари с крестами в даль...
Был позор,
и был удар по
народам и их миру.
Но не стыдно
тем кумирам,
павшим от времен столетий,
сгинувшим как пепел.
Новое пришло с огнями.
Музыка и карнавалы
под салюты и петарды,
но позор с собой
забрали
с тех времен
сдичаний люда.

И позор здесь снова
блудит,
лазит, лезет,
лебезит.
Он позор, он атеист.
Брызгами роса
с туманом,
Солнце выше лик подняло,
стало жарче,
и вода легким паром
завлекла
нас с тобою
в глубину
поцелуев.
Я отдался, не скрывая
своих чувств, тебе, родная,
и мы плыли обнимаясь,
всё целуясь и играясь.
Ветер стих,
и бой затих.
Мир притих,
дал отдых нам.
Дал набраться сил,
а там, после вылеченных ран,
мы опять в огонь
борьбы,
в пламя новой всем
войны
горечи и принуждений,
без границ
и без сомнений,
все надолго
и так сильно.

Враг возрос,
и стал огромным
в своих счетах миллионов,
в своих вывертах идей
политических...

Злодей миропорядка,
злодей истин и закона,
злодей, укравший
у многих Бога.

Ночью, днем
приспал,
пригладил,
приласкал
и зубоскалил:
— Вот тебе теперь кумир!

И поддались.

Ушел в мир
армиями люд потерь.

07.06.2013.

Брызги, брызги
искр шампанских
в ярком свете,
и шум танцев
с музыкой блатных братанцев.
В апартаментах
Ниццы
отрывался рассейский парень,
выросший в бандиты.
Стал маститым бизнесменом.
После тюрем
строил терем,
и добрался в мир Европы.
Опа-опа та Европа!
Льются вина,
машут попы
в танцах быстрых
и с охоткой.
Хмель взбирается всё выше,
опускаясь плавно ниже,
ниже некуда уже.
А вот и дамы в неглиже
комнат модных и богатых,
а “элита” скачет, скачет
из Москвы, продав квартиры,
в Ниццы, Канны и Парижи.
Рвется бывший русский люд
миру показать себя,
гульнуть
и бабахнуть самострелом
то ли друга,
то ли дело,
то ли женщину любви
и себя, если крови
очень хочется под хмель
и депрессий моря щей
от деревни (домик в сруб).

Эх, кутнуть!
Эх, гульнуть!
Жизнь одна, хоть
в Бога верим!
И спускаем револьвером
дни в пресыщенной стези —
деньги есть!
Деньги возьми!
И на них мне сотвори
праздник жизни, ресторатор!
Ниццы, Канны
и Саратов,
подзабытый
в русской течке,
где дороги в ямах,
речки в химии потоков,
льются тонны спирта...
Горе.
Хоть и в Бога верим вроде,
хоть и храмы строить в моде,
хоть и свечи — дым с огнём,
но горим, когда кутнём.
А с похмелья думы-горе —
деньги, власть
ещё бы боле,
но щемит что-то в душе,
а, может, с сердцем
беда уже...
Так расейский дух
в Европах, Штатах,
и морях, затоках
пляжей дорогих
нирванит,
но под музыку и пьяный
с пистолетом на кармане.
Банда кормит,
банда манит.
Где романтика сейчас?

Стрельбы урок
и столбняк
памятников молодым
по русским кладбищам,
а дым отечества
не тянет —
автомобили побеждают
выхлопами угара
углекислых газов
прямо,
влево
и направо.
Дым от дров
за шашлыками,
но там жир на жар,
и пьяны,
пьяны,
пьяны!
Ниццы в кайф!
Москва лишь тянет
денег тяпнуть и отчалить.
Попросите у попсы,
у чиновничьей грозы,
попросите полисменов,
проституток
и барменов:
все б отъехали. И с Богом!
В Бога верят,
но тревожат
только деньги,
деньги только.
И вопрос один:
а сколько?
Без конца, и до конца.
В Бога верим мы пока.

07.06.2013.

— Силы истрачены в любви!
— Да помолчи ты, Берлускони!
Помолчи...
Как помочь тебе с тем сексом,
что стал жизнью,
смыслом, вехой,
и достиг ты в нем сверхверха?
Завистью стоят миллиарды,
но не денег твоих грязных,
а людей, мужчин и женщин,
так взорвал ты их.
Младенцы,
светом белым, — сиротами
от Берлускони, плачут мамы,
а он ищет всё моложе,
и всё чаще их тревожит
в час любой
и время года,
рвёт их тело,
рвёт.
Недолго,
Сильвио, ты так сможешь.
Возраст.
Слышишь?
Скоро сложат
твое тело в месте тихом.
А ты ноешь,
хочешь много, хочешь быстро.
Не успеть всех и вся,
но ты оторванный
и так.
А в дверь бьют уже ногой.
Открываю, стоит мой,
то есть наш, гарант книжонки
судом смазанной.

Печенку
с нее вырвали живой
и по ней трактуют гон и шмон.
А мы живём,
и для нас она потом
будет на растопку дров.
— Слушай, друг,
ты всё знаешь,
в Междунорье замышляю
новый дом и новый храм,
может, ты посмотришь сам,
как бы спрятать от народа,
журналистов?
Ведь, уроды,
пишут, врут
и едут сами
посмотреть.
Скажи, вот хамы!
— Да, Витёк, тебя задрали,
но не люди, не народ —
черти вытянули пот,
Джек остался при тебе,
но он пёс
и старый зверь.
Сколько жить ему осталось?
Тявкнет, гавкнет,
а так мало
верных стало,
разбегутся как шакалы.
Строй ты то, что там
надумал,
где-то в Ницце, как
все люди,
строй в Британии.
Вон и хлопец, твой дружбан,
Ахметка Коля,
в Лондоне купил
и погреб, и хранилище для дров,

дом для денег,
докторов, что потом
придут оттяпать
что-то где-то в лапу.
А все комнатки Ахметки
хан Сулейман
еще в шестнадцатом, блин,
веке спрятал где-то глубоко:
там и склеп, и молоко
поступает по трубе.
Деньги шлепают везде
из кусков металла — дрязг! —
золотых монет запас.
Жить же будут все в веках,
и ты тоже
с ними так.
...Сильвио зашел, чуть грустный,
трубку держит.
— Слушаю.
— Я Вова, Путин.
Здесь союз против союзов.
Ты за нас, или за Юлю?
— Что мне Юля из больницы?
Что мне ты с союзом?
Злиться не хочу я на тебя.
Я то за Союз,
да не тот, что ты варганишь
со своею тёплой компашкой.
Я — за Бога,
я — за веру,
я — за счастье людей в вере
по Словам Святых Писаний,
правду. Правду,
а не знаний
новых колоссов надежд.
Правду, Вова,
утром съешь,

и одумайся пока,
чтоб не получилось
как у нашего Витька,
где одна проблема стала —
Междунорье.
Всех достало.
И его уже берёт,
скажем, сильно в горло бьёт
ночью в снах
тот эшафот,
что летает как корабль
голландский в книгах,
наугад.
И не знаешь путь и время.
Бахнет в шею
пласт железа —
отлетит та часть для шапки.
И куда потом?
Шея просит:
— Успокойся.
Всё у нас сзади.
Даже жизнь.
...И Обама в день тот
грустный
прилетел к нам
вновь покушать
и послушать
всех проблемы.
Да и у него их...
Штаты сильны,
и Обама в них силён,
чувствует себя верхом
на коне поводырём.
Ну, а если поводырём
упадёт уже без сил,
конь загонится в глухую,
есть проект:

походы морем,
океанами.
Подводным флотом —
Бух-бух-бух! —
войной в Востоке,
а, может, где-то ближе.
Кто-то
знает план-проект.
Я не знаю.
Но как поэт
чувствую там лажу снова.
Правда, время их недолго.
Верно служат,
но не Богу,
нет, не Богу...
— Сильвио, молчи,
прошу!
Твои деньги не хочу.
Не пихай их мне
в карманы!
Ты раздай их все
к такой-то маме
тем, у кого украл,
им верни.
А баб мне пока оставь...

08.06.2013.

— Продаю шарфики!
Шарфики
для олигархов!
Очень крепкие!
В них совершенно не жарко! —
на рынке кричит
продавец покрасневшись.
И, вдруг, очередь.
А шарфов всё меньше и меньше.
Очередь длинная,
уже тысячи здесь.
Номерки на руке пишут —
кто и за кем.
Очередь рвётся, толчётся,
пинается,
очередь злится и занимается.
Люд прибывает
огромными толпами:
кормящие матери,
старики и полковники
ментовки и армии с
разными знаками
родов войск
и с съестными припасами.
Очередь бьётся, клубится
в пыли,
очередь рвётся,
а кто впереди?
А шарфики кончились,
и тыщи людей
требуют слова
и про митинг визжат:
мол, поставим палатки,
и голодовка без срока.

Директор рынка
забился морковкой
в лавке, где овощи,
в угол, за шкаф.
А базар разрывается,
и люди кричат:
— Шарфики дайте, суки,
народу!
Нас обокрали, соврали
и моду высокую
для олигархов!
Торговца схватили
и мигом связали.
Избрали комиссию
из тысяч стоявших.
Торговец плачет и просит
пощады,
мол, шарфики эти
не для счастья и славы,
а чтобы уйти красиво
из мира
не на дешевой верёвке,
а красиво, богато —
шарфик на это.
Полковник подумал,
и выступил. Эхо
громко летало
меж лавок:
— Люди!
Это шарфик не счастья,
не удач-доставалок!
Это на путь скорбный
богатым!
Поэтому нам они
не годятся!

И очередь, тупо услышав
об этом,
сжалась сначала,
потом громко роптала:
— И здесь нету правды! —
в ночь уходила.
Лишь торговец остался лежащий...

08.06.2013.

Я буду счастлив,
потому что у меня
есть Бог со своими Заповедями
и струящейся ко мне
Его любовью.
Я буду счастлив,
потому что Божья Мать,
Пресвятая Мария, моя защитница.
Я буду счастлив
сонмом святых на небесах,
любящих и поддерживающих меня.
Я буду счастлив
в своих скорбях,
которые рвут мое сердце,
но ведут меня
по дороге узкой,
где многое грешное
мне не объять и не
остаться с ним.
Человек скорбит,
душа рыдает,
а тут же светит солнце
и теплый день
манит красотами
лета Господнего.
Это не депрессия.
Это страсти горящие в нас.
Это зло колючей проволокой
объяввшее мое естество.
Мне кажется я праведник,
но огромное количество
людей злословят, унижают
и ненавидят меня,
Может быть, это мир такой?

Нет, это я слабый
и безвольный,
не имеющий духа
подняться над всеми
земными поломками мира,
а есть часть его,
и часть жаждущая
телесного и тленногрешного.
Я рвусь в небо
к птицам,
но это еще
не движение к Богу.
Я рвусь в природу,
чтобы спастись от скорбей мира,
но это не есть еще путь к Богу.
Я рвусь...
Я рвусь в прямом
и переносном смысле.
Я прорываюсь,
но остаюсь там, где был,
или быстро возвращаюсь обратно.
Я земной человек.
Что я хочу и к чему иду?
Святость.
Это высоко и, кажется,
не для меня.
Я и не пытаюсь.
Праведность, что-то
вроде бы делаю.
Моя борьба и моя война
с миром,
и, мало, внутри себя.
Мне жаль себя.
Я люблю себя больше
чем Бога.

И это факт.
Результат моей
жизни говорит об этом.
Но я, что-то начал
понимать.
Я что-то начал менять.
А сзади путь длинный,
в полвселенной.
А впереди?
Но я всё равно счастлив
в своих скорбях
и страданиях.
Я познал Бога.
Мне бы вырваться
из тлена обыденности.

09.06.2013.

К вечеру с востока
небо черным стало.
Далёкие разрывы молний
заметались,
а небо становилось ближе
и темнее.
Все ждали бури.
Немели
птицы
страхом свыше,
и люди прятались в дома.
Стало совсем темно.
И, вдруг,
на лужайке вертолёт.
— Срочно на борт! — прокричал пилот.
Поднявшись в темень
ещё не разорвавшихся дождём
небес,
мы пересели в самолёт,
где в салоне было
много свободных мест,
Мне предложили ужин
и коньяк.
Я поел кое-как.
А мысли не давали
покоя.
Куда? Зачем? И что такое?
Через некоторое время
я был в Кремле.
За столом сидел
Иосиф Сталин,
а Вова Путин
нервно бросился ко мне:
— Здесь, вождь, к вам!

Сталин встал и прорычал:
— Нэ к нам, товарищ Путин,
а лично к Вам.
Поэта вызвали
всё записать в историю,
а там рассудят
кто виноват, кто прав.
Итак, садытэсь Путин
и поэт.
Начнём.
Времени у нас нэт.
Путын бросил прэстарэную жену,
говорит, устал от ее криков,
говорит, что занят на работе
дэн и ноч.
А бабы молодые проч?
Да нэт!
Как Берлускони загулял
он Руссю.
А рядом патриарх церковный
учыт.
Чэму?
Грэх балшой
бросать жэну!
А с молодой ты мог
и тихо где-то.
Значит, работает
нэ голова, а это...
Если бы работал
как когда-то я,
какие бабы?
А, Путин?
Россия то не та.
Она легла под оккупантов.
Сэйчас Лужков зайдёт
мордастый...

И, вдруг, в дверь
ввели под руки,
на ногах еле стоящего,
без кепки, куртки,
бывшего градоначальника
Лужкова!

— О! — прокричал он:

— Вова! Толя!

Но я не стал смотреть
на этого подонка, вора,
хриstopродавца.

Звонко
товарищ Сталин
оплеухой поприветствовал
шального.

И потекли ручьи со штанов
Лужкова.

— Гадость! —

сказал вновь Сталин:

— Я тэбэ смотрэт
Москву поставил!

Уведитэ нечист
из глаз долой!

Пол помойтэ —
место здесь святой!

Воруют и бэгут из страны.

Что ждёт нас?

Бандиты, брехуны...

А Путин, вдруг,
заговорил бегом, бегом:

— Товарищ Сталин,
я старался Русью править,
но баба извела —
и та, и эта.

А так хотелось молодой
красавицы на всю планету,
так делают сегодня все:
бросают старых жен
и женятся
на молодых красотках.
— Замолкны!
Тэбэ я оторву всё то,
что к бабам тянет,
и бабло
отдашь обратно в банк державы.
С тэбя спросит сатана,
прелюбодей!
Позорник!
Прэзэдэнт!
Фыгня, как говорят
сэгодня.
Я срок даю
исправить Русь.
Пышы, поэт,
нэ продохнут.
...Я встал, и долго
говорил
о жене своей, что
ей давно не мил,
о характере её
строптивом.
Но бросить я её
не смог.
Как быть счастливым
мне с другой,
когда страдает
кто-то, где-то?
Я не герой,
но вытерпел немало.

Хоть мог иметь много
женщин сразу,
но я оставил
их, красивых,
оставил ради счастья той,
что отдала мне молодость
и силы.
Терплю.
А ты, Вова, царёк —
гулять, гулять
и представляться.
Готов забрать твою
старую жену себе,
чтоб успокоить её,
и чтоб одной ей не оставаться.
А Сталин
Вове тоже закатал
в щеку.
Махнул рукой,
поправил френч
и тихо прошептал:
— Нэлюды здес.
Уйду!
Тэрпи хоть ты, поэт!
...И мы остались.
На двоих
Вова разлил
бутылку водки, литр,
и говорит:
— Прости, старик.
Ты тоже слаб
на женский пол,
а я ведь царь,
уже привык...
Гроза срывала небо громом.

Рваные линии молний
освещали всё вокруг,
и воды летящего дождя
сплошного,
как волны моря...

А я сидел и пил
напротив потерявшего
не только голову
старого друга Вовы...

12.06.2013.

Тихо в террариуме
после обеда.
Белых мышей
забросили снедью,
и змеи игрались с ними
и ели,
сытно потягиваясь за стеклом
в день жаркий, летний,
лишь хвостом шевельнув,
иль вздрогнув
мышь проглотив.
И колышется
ветка клёна столетнего
рядом с окном.
Жизнь изменчива.
Но тишина перед бурей
всегда...
Люди тоже как сонные мухи.
— Да-да! —
отвечает мамаша, лет
так под сорок,
сыну, что просит
змею потрогать.
Потом ей доходит:
— Нет!
Покусают!
Змеи лежат на старых пнях,
камнях и песке.
Отдыхают.
И что-то готовится
здесь на стране:
с Европы мотаются
люди,
вполне
как здоровые
и к таким же здоровым.

И тихие, скрытые
переговоры.
О, Евросоюз,
с богатством твоим!
Разделить бы всё вдруг
меж всеми на равные доли:
что-то Афинам,
что-то Мадриду,
что-то в Междунорье,
чтоб не в обиду.
А дни летние тихие
сходят по чуть:
то дождь омывает,
то ветер.
А вдруг?
А вдруг мы проснёмся
в Евросоюзе?
Проснёмся, девочка,
в нас визы и грузы
в виде купюр их со звездою.
Ох эти звёзды!
От них нет покоя —
то красные в Москве,
то разноцветные на деньгах,
то раздетые на попсцене.
А змей шевелиться
начал, однако.
Двухметровый, яркий,
собака.
Девочка пискнула
возле окна.
Гад
он и есть гад,
а собака — то так
говорят со злости,
бывает.

— Гады, собаки!
И что замышляют!
В спящей стране,
где люди со зверством,
где много больных,
особенно в офицерстве,
планка упала
высокостоящая,
её режут теперь
на заборы смотрящие.
Кому-то и больно,
кому-то всё в кайф.
Культура осталась
в больших минусах.
Орущие жены
и мужья под хмельком.
А дети?
Что с ними нас ждёт
за двадцатилетним бугром?
Где почитать?
Не пишут об этом.
Литература стала
предметом
каких-то дешёвых
движений мозгами.
А руки ошибки делают сами,
не сверяя с мозгами,
и в результате
только движенья
лиц “генеральских”
от литературы,
и мненья
их стоят одну папиросу —
где с коноплёй,
а где с табаком,
таким же дешёвым,
по носу.

...Проснулась гюрза,
судорога телом,
мышья живая
от страха мертвела.
А дети смеялись
и на это смотрели.
Мамашки с папашками
грызли пломбиры,
а дети кричали
от счастья,
что сдвинули
сонный террариум
в движение запутанное:
клубками, кругами
ползали тушками
длинные змеи
под веткой кленовой.
А клён просил
смерти
от жизни хреновой.
Ему бы привольно
под ветром с дождями!
Ему, златолистому,
осенью с первыми,
редкими, снегами!
Ему бы в мороз,
держаться и выстоять!
А он над террариумом
безликою фишкою!
... А вот и он, пляж,
и первые брызги
шампанского,
и грудь её близко,
и тело желанно,
и деньги со звёздами.
Ах, моя мама,
Европа!

Сломаем
и похитим всю в целости!
Нам это не сложно.
Невеста и ценности.
Кто же упустит
своё оторвать,
и тело, и деньги?!
Старая дура,
Европа ты, мать...

12.06.2013.

С полей апрельских
на днях сошел снег,
и солнце светит
в весенний день.
Стерня
под снегом полегла
и стала мягкой
под ногами солдат.
Мокрая ещё земля
налипает на сапоги.
Солдат идёт.
Тяжёлый шаг.
Жажда измучила
еще вчера —
поля промокшие
не вода.
Солдаты движутся
почти гурьбой,
строй сломался,
неравный строй.
Неравный бой
ещё со снегов —
черно-серых в бурых пятнах
солдатской крови —
под солнцем таяли,
и в окопах
везде вода.
Талый снег и кровь солдат.
И пили воду
снимая жар
черневших губ.
И полыхал в полях пожар —
горели танки.
А блиндаж
прямым снарядам
разбросало
по снегу.

Поля войны
и жизнь в бреду.
И я бреду.
Бредёт наш полк,
человек десять.
А бой умолк
ещё вчера.
Война с зимы
в весну сошла,
смывая кровь
талой водой.
Вода осталась
в окопах сзади,
а полк бредёт
стерней
по хляби.
Весна...

12.06.2013.

Любовь умирает тоже
как люди,
и душа её уходит
и не губит себя
как человек.

Душа любви
живет безгрешная вовек —
то там, в глубоких небесах,
то на Земле,
здесь.

Но мы, грубея
от зла и хмеля
удачи часа,
льём себя
из чугуна,
который холоден, и ржа
его грызет,
а нам всё кажется наоборот —
что мы крепки как тот металл,
хоть чаще говорим:
— Мы сталь!

А ржа грызёт и сталь,
и мы становимся трухой
и грязной кучей
над собой,
сжигая до смерти в себе
любовь.

Она уходит навсегда.
Она умирает только в нас,
а так живёт, сбивая час...
О, любовь!

Но не та,
плотская в телах,
а светлая, от Бога,
которая горит огнем.

Тревога
в моей душе.
Как люди остаются
в сиротстве
своих злых дел,
любовь убив в себе?
А вместо любви
гордость крови,
что бьёт там, в груди,
и в голову, жаром,
а кровь без любви
умирает.
Убийцы любви
своей.
Это ты.
Это я.
Это он.
Это она.
Это они.
Это все.
Это всегда.
Это грызня
за место под солнцем
со злом в душе.
А любовь — на погосте
собственных тел
ржавеющих здесь...

12.06.2013.

Лесопилка, пилорама.
Трупы деревьев
многолетних
в стройки века,
ради денег,
и в бумагу
на которой портреты
тех, кто
правит-пилорамит.
И летят опилки вниз,
много, долго —
берегись! —
с них штампуют плиты
тоже —
технологии помогут
вместе с клеем
в прессе
скорби.
Вчера был лес,
сегодня — ландшафт пустой и голый.
Новое сажают семья,
новые взрастут деревья,
чтобы лечь на смерть
когда-то,
а тела их —
в пилорамах.
Пилы точат,
не жалея
и алмазов.
Обнагдели
эти пилы,
требуют, чтоб
их точили
и любили,

а они тела пилили
дуба, сосен, елей
и берёз белых-белых.
Всё в угоду
и в богатство
кучки алчных.
Сверхзахватчик,
сверхзахватчики
природы
и народа,
и народов.
А их пилы,
пилорамы,
лесопилки
и опилки, и опилки
грязной кучей —
гниль
и мусор...
Их сожгут.
На поле.
Ужас!
Удобрения!
Леса
как и люди.
Простота,
доброта
от рождения
и по жизни.
Но пилят, режут пилы,
лесопилки, пилорамы.
Людей убивают,
ранят.
Кровь сливается, стекает
с пил
и на опилках тает.

Ее свозят,
собирают,
а людей
на стройки тянут
в виде брусьев,
досок,
реек.
Люди.
Лес.
Как одним целым
их судьба.
На веки цели.
Но над ними
сели звери.
Редко пробивают тени
люди света,
и в доспехах
золотых от неба.
А так — пилы, лесопилки,
сок деревьев, и опилки,
и народ,
как лес,
до первой пилки...

12.06.2013.

Либералы в Украине
прочно сели на резине
и мякине дури люда.
Идут команды как верблюды,
сменяя сошедших, но не ушедших.
Они вернутся вновь взошедши,
а вновь сошедшие ушедши
будут жить в своей скворешне
и тьявкать псом,
иль квакать жабой
на трибуны,
где люди
сжались
от страха и депрессии
системы в гадость.
Ультралибералы надолго
здесь на сцене
с гомосексуальными флагами,
ворованными или выдуманными
им деньгами
в бушующем от роскоши пространстве,
а люди ждут, когда им
что-то тьявкнут,
и думают: а власть
пусть сама там по себе,
а нам так — всласть.
Но это хитрость каннибалов
ультрагомосекоправых,
и христианству здесь
отрава
смерть от антихриста-удава.
А понял кто
зачем?

Никто помочь уже не сможет,
лишь черт день на день
переложит
и перепутает все вновь.
Команды ультра —
будь здоров! —
или чтоб сдох
народ.
Он так им надоел.
Урок.
Из прошлого во завтра,
урок из завтра
на нескоро.
Поди пойми, где
снег, где дождь,
команды ходят
взад, вперёд.
А люд тоскует, водку пьёт,
депрессий невпроворот
и наркотический морфлот
всё завезёт
и приберет
померших после на погост.
Извечный вновь вопрос:
кто виноват?
А тот! А тот!
И даже, вот, соседский кот.
А ты — балда и обормот,
всё пиво-водку пьёшь
и футбольчик ждешь.
А матч другой идёт давно.
Тобой играют.
Ты — дерьмо,
пока не стал
на гомосекс.
Вот здесь заметят
и вовек счастливым
станешь без семьи.

Семья — это ты, они —
гомосексуальные
слои.
Считай, антикультура
антимира.
Они во власти
и кумиры:
им браки разрешили.
Тебе, людва,
тоже можно
в брак с женщиной
и с гомиком попозже.
Днепровских круч
не будет скоро —
слетят с площадкой вертолётной,
слетят с домами
для “крутых”,
и мать их...
Круч или крутых?
Спасутся, видно, те и эти,
но нам всем — фи́га,
и по конфете
от власти
вместо выборов вчера.
И Юля стала у стола.
Устала от огня,
который отдала.
Она его с быдлом
несла,
и верила себе сама
да двум поэтам
из мурла,
что их поэзия
как тля —
её травить нужно
в нуле,
а ею кичатся
и эти, да и те.

Комедия...
Аляпотэ...
И новые идут “хюндаи”
строить ещё аропорты,
сарай
и караван-сарай,
где будут отдыхать
от ралли
великие люди страны,
продажные уркаганы.
А политологи верны
только себе,
а некоторые — власти,
которая их кормит.
Здрасте!
Плетут чёрт знает что,
предсказывая то дождь,
то кремовое, вдруг, пальто,
а сложишь вместе —
есть диагноз.
Но политолог не обязан
отчёт держать за слово
ране,
как и поэт, сказавший гадость.
Свобода —
в изоляции людвы
от мира благ.
Но не скажи —
оттуда капает чуть-чуть,
и кто шустрой,
тот — раз —
и, вдруг,
такая тыква на столе,
считай, на шару...
— Где билет? —
кричит жена,
трусы снимая.

— Где билет?
Я заказала.
Давай, быстрее,
я улетаю
навсегда отсюда.
— Знаю.
— Горе тебе и детям,
сиротами вам в свете...
Давай, быстрее,
хоть память будет.
Любимый мой,
кусай и рви!
Любую часть с
меня возьми.
Я скоро в Риме
буду жить,
работать трудно
и тужить
за вами...
Целуй меня, родимый!
О, мама! Мама!
Минсдох налог
снимет с нее,
с её доходов,
а чего не снять ту часть,
что мужу, детям
будет мама отдавать.
...А муж останется один
на много лет.
Гомосексуализм
его спасет и всю страну,
и мир.
Бабло в руках
ультралибералов, что
однополый брак
прошпиговали,
прошлифовали,

протолкнули
и продрали до немогу.
А я могу.
Сижу в саду,
и поет, поет птица
на ветру,
а вечером вновь сериал,
который я смотрю,
где Роксолана Сулеймана.
А головы летят и там.
Что изменилось в мире
этом?
Расцвел ультралиберализм
и гомосексуализм,
а я всё остаюсь
как и прежде.
Падение всё дальше вниз.
кому болит,
кому жужжит,
а кто-то
вдаль за счастьем
всё бежит, бежит, бежит...

13.06.2013.

Что-то темно стало на улице.

Солнце взошло,

фонари потухли все.

Птицы запели

день восславляя,

а тут вдруг

темнота,

темень.

Кто-то

играет с нами.

А кто?

Солнце исчезло,

и Луна во всё небо,

и звёзды рубином горят,

и портреты

великих вождей

всего мира

по небу.

Портреты, как борды

с подсветкой,

и вертят собой

то кругом,

то налево,

то направо,

то вниз.

Вдруг я смелею

и начинаю снимать

всё это на фото.

Лица, лица

и их так много —

память закончилась

в фотоаппарате.

Я хватаю другой,
а тут хвост яркий,
летающий,
и без кометы,
всё обжигает.
Горят портреты
и лица страдают,
и слёзы, гримасы
и дикие крики,
особенно сегодняшних,
с правящей клики.
А Луна как воздушный
шарик надутый
лопнула, и резина
сгорела во всей этой куче.
А темень оказалась
большим покрывалом.
Нам солнце закрыли
и развлекались
рекламой фамилий
спасителей мира,
который в конвульсиях
танцует над обрывом.
А обрыв настоящий —
до преисподней.
Там дым, огонь,
а так — всё как у нас тоже.
Политтехнологи
явно из Запада —
такое придумать
и воплотить!
Нашим мозгов то не хватит за жизнь.

Но вся реклама
в кучу навозную
вдруг превратилась
от неба грозного.
Даже комета не вышла
в полёт,
сама отдыхала,
отправив лишь хвост
подчистить маразмы
земных и водных
вождей живых
и с преисподних.

14.06.2013.

Надрываясь, с надрывом
порванных нервов
и проводов связи
конвертом
я отправляю послание вновь.
Но без ответа.
И без столбов.
Рванных ржавых проводов
лишь обрывки
торчат с земли и кустов,
деревья обгоревшие
и нет лесников.
Люди пропали,
исчезли,
а, может, их не было
здесь —
в самом деле
никто не родился, не жил,
не женился,
а только прошли племена,
даже не остановившись.
И я снова пишу
письмо,
и в конверт.
Голубь уносит мой привет.
А ответ?
Не приходит,
лишь возвращается
измученный голубь,
и белые перья приводит
в порядок.
Мы с ним под дождём,
дождь нам подарок —
попить и отмыться
от тяжести мыслей,

которые рвут мои нервы,
и лица
какие-то
в ночи пробегают.
Лица, гримасы,
мозаики,
и тонут в тумане
под солнца лучами,
а сны, если снятся,
в них часто — туманы,
туманы
красного цвета,
и раны
по телу туманов.
А голубь готовится
в новый полёт.
Где-то же есть люди?
Вопрос
сложный,
и уже стал не первым.
Неважно,
а, может, ненужно
искать их здесь.
Может, остался я только один.
И мысли рвут нервы.
А как же мои
близкие, дальние,
ближнеостальные
от времени, что пролетело,
расплавало
мир наш привычный
в камни и плиты
металлов
ржавеющих.
Но не все же сбиты
были с путей
рвущих пространство.

Мысли,
вновь мысли...
А голубь остался.
Какой сейчас смысл
в его перелётах?
Если и найдётся кто-то,
то и сам
найдётся.
Я так изменился.
Годы вживили
в меня часть природы,
и напоили
тёплым дождём
и небом.
Я не один.
Эта птица
и небыль
прошедшего и уходящего.
Я качаюсь в росе
под солнцем
горящим
и восходящим...

14.06.2013.

Есть конституции по странам,
есть законы,
которых парламенты
напринимали эшелоны.
А жизнь реальная
таранит люд,
по простому человеку бьют,
ведь он не член
провластной секты,
а поклоняется
Единому лишь Богу.
Люди как “зеки”.
И те законы
и конституции с судами
лишь шоу,
телепрограммы,
удаль купеческих
в бане,
где самовар, а вокруг
раздеты догола бабы.
Конфуз, концерт
и юморина.
Страны живут
как власть определила,
и их законы —
вила:
проскочишь между
острыми клыками —
остался жив,
а нет — тогда
тебя съедят или
выбросят в канаву.
Конституции, законы —
кто их читает?

Да, в суде по ним
играют,
изучают в зоне
уже те, кто не угодил
смотрящим.
А жизнь реалий
в тормозящем
своем режиме
на ходу
бросает правила.
Бузу творят верхи,
и наложив
те конституции
на управление ручное,
дают абсурд.
Например, умывальник
смонтированный
в газовой плите
между конфорок,
и унитаз под
обеденным столом в столовой
около стула
главного по дому...
А мир живёт,
и славит конституцию
свою как слово,
законы выполняет.
Я смеюсь. Меня тошнит.
Сейчас уйду.
Всё “по понятиям”,
по скрытым тайным
связям,
по их уговорам, договорам
и повязкам
на глазах
в ночной кромешной
тьме.

— А я законопослушный, —
говорит депутат
Потрошенковский,
да не мне,
а всей стране.
Ха-ха!
Сверь ты законы
и свои дела
по указам, письмам
и решениям —
сплошной абсурд.
Свинья в ЗАГСЕ
ждёт жениха — заместителя министра
с Министерства ранних разрешений.
Он ищет платье ей,
фату и туфли.
Кольцо купил
с бриллиантом,
и одел на уши.
Сегодня свадьба.
Свинья писает в углу,
на столе печенный поросёнок,
почему-то без горчицы и хрена.
Директор ЗАГСа
терпит ерунду,
и думает: приду сегодня
я домой,
а, может, не приду,
к быку
в коровник
жить пойду —
его люблю.
Абсурд?
Да нет, реальность.
Абсурд лишь для тех,
кто понимает.
А понимает — раз и два...

Судьба.
Жизня.
Чем объяснить
такие вот дела?
А нечем объяснять
чертячью пляску
вокруг антихриста,
который
захватил
все эти государства.
Абсурд — это мягко
очень.
Здесь кровь,
война,
которая идёт уже,
и площадь
её театра военных
действий
не цирк, не стадион,
а почти что вся Земля,
от ужаса умолкшая
на этом
видном пока несчастном
белом свете...
А по телевизору
опять указ
на много стран:
у кого в гараже
есть смотровая яма,
так с нею
владелец имеет право
присутствовать
в медовых месяцах
супругов,
но только находиться
в яме
под кроватью,

и жить с супругами
очень, очень дружно, мягко,
а что не так —
оспаривать в судах.
Саммит президентов
подписал указ.
Говорят, что это
актуально и
важно именно сейчас...

14.06.2013.

Я часто желал себе смерти.
Я хотел свою фамилию
вогнать под груз “двести”,
когда в гроб бросают
куски металла
от фюзеляжа самолёта
и, лопатой, обгоревшей
земли чужой немного,
или части от бронетранспортера
и опять, землю с камнями.

Горе
в дом пришло родным...
Как знаком тот едкий дым,
где сгорать нужно было
ещё живым.

Горе
матери и отцу
до конца
дней укороченных —
могилой дитя.

Плачет ветер, завывая в горах,
плачут реки, несущие нас
и наш прах.

— Расскажите о войне
журналисту!

— Ты глупец, парень,
умом ведь не вышел.
Да, летели ракеты с плеча,
да, горели враги от греха.

Грех наш и грех их.

Грех мой.

Руки в крови навсегда.

Но война есть война.

Там всё сгоряча,

там всё от плеча.

Смерть палача.

Автомат вжат в плечи
и приклад
отбивает ещё
оставшийся целым,
мышцы кусок.
Кровоподтёк.
Но цела голова.
Пока.
Ведь война.
И пришла к нам сегодня сюда.
Но другая.
Непривычно невидная вновь война.
Режем, пилим, убиваем,
топим, палим
и копаем.
И не дрожит рука палача.
...Телевизор несёт плавно кадр.
— Эй, журналист,
тебе фарт,
видеть войны эпизод
в эфире прямо!
Занят рот.
Суп жуёт.
— А ты жуй и смотри!
Ещё хватит войны.
Черти лить будут кровь,
может, век, может, три,
и двадцатый, жестокий,
покажется добрым и мягким.
В нём было начало. Все “погуляли”,
но продолжение всегда впереди —
ты, человек, жди.
Ты привык только ждать,
а изменить что не так,
или так,
мы доверили им.
А сами сидим.

Мать и отец
отрывают свой век
в поисках правды
в начальствах, судах.
Но суд — профанада,
убийца гуляет.
А мир говорит,
что, мол, будет война —
так всё накалено
между людьми,
меж государствами.
— Пли!
Не услышишь команды, чудака.
Всё за углом, а не так.
Из-за угла
прямо стрела —
огненный смерч из ствола.
Война, война, война...
Ей нет начала и конца.
Боже наш,
прости Ты нас
и просвети в нелёгкий час,
и дай нам силу, а не страх.
Не попусти.
Не отпусти
заблудших нас.

14.06.2013.

Из Египта древнего
до нас
цивилизация несла запас
человечности.
А время разное веков —
далёких, средних и потом...
Трусилы землю от оков,
к свободе рвались все кто мог.
Аборигены материков
и островов
сражались с христианами
на смерть.
Поправ Христа, его мораль
и истины, которые Он дал
народы шли рвать
земли
для себя,
и создавали семьи
на стойбищах других,
якобы низших их.
И человек одевался в бронь
и цели новых форм
цивилизаций,
где всё было потом
названо великим тупиком.
Аборигены вымирали —
дети земли, природы
редко восставали
против важной силы
из-под корон
королевских стран
особых форм.
Менялись карты,
рождались империи и страны,
росли их блага,

но уменьшалась благодать
и терялась человеческая сущность.
Знать и незнать — просто люди —
поднимались выше
всех возможных линий
бытия,
а благодать терялась
навсегда.
Вернуть бы людям
человечность.
Вернуть бы вехи,
где Бог вечен,
вернуть бы всё,
вернуть...
Но невозможно это,
и не вдруг.
Время придёт,
начнём сначала.
Народа будет очень мало,
но это будут верные Ему,
стойки любви.
А толщину запасов
из купюр
не будут мерять.
От кутюр останется
в памяти лишь содомский грех,
описанный поэтами.
Секрет?
Да нет.
Секретов нет.
И так видно всё
на много лет.
Вернуть бы людям человека
и человечность,
да на веки!
К тому придём.

К тому наш путь —
в обратно повернуть...
Но не сейчас,
да и не всем,
а тем, кто хочет
с Богом быть сегодня
и насовсем.

16.06.2013.

Люди женятся по любви
редко.
Люди женятся часто от того,
что им некуда деться.
Кому-то гормоны разносят череп
и есть необходимость в теле,
сегодня уже не обязательно
противоположном —
субкультура распространяется
как змеи.
Кто-то крышу иметь
над головой хочет.
Кого-то ест одиночество
и он так дальше не может.
Кто-то аферист брачный —
в охотку
ценности, деньги, недвижимость,
и так до очередной “ходки”.
Кто-то...
Что-то
сломалось в генераторе,
который вырабатывал
любовь к ближнему —
изоляторы, может, поменялись
временем
и рвут движение напряжения
преждевременно.
А любовь мельчает
и сменяется расчетом.
Растут дети,
и становятся сиротами.
Повторные браки,
как смена костюмов —
всё просто, легко
и доступно:

церковь венчает, развенчивает
и желает
лет много и семьи твёрдой.
Но почва зыбкая
зыбит, зыбинится.
Попал дурак в историю,
но не остепенился,
что-то за свитером
в груди щиплет —
болит душа, и он её
табаком и вином
ищет,
а то, оказывается, блохи
или чесотка классическая.
Во, бля, жизнь
семейно-туристическая!
...А где-то в яме
затворник молится.
Ветер колышет ветви елей,
и хвоя пахнет вольностью.
Лес дышит, вдыхает-выдыхает.
Струятся запахи неземные
от края до края.
И молитва, годами,
всё та же.
Но не устает от
неё монашествующий,
и радость прибавляет.
Благость, благо
в семье спасительной.
А тут — падение вниз
умопомрачительное.
Под порнофильм
ночь первая, —
до того и не считается,
да и где найти
тех, настоящих первых...

Горька, горька
колышется свадьба:
он — министр финансов,
а другой — он тоже лицо важное.
Детей усыновят,
скорее славянских,
и, череп срывая детский,
потечёт жизнь
как шарики в шампанском.

16.06.2013.

Ржавые шестерни
станков пищат —
то работают, то стоят.
Подшипники лопнувшие
на валах,
вибрации, скрежет, —
металл едят.
Конвейер движется
с треском,
и звон упавших деталей на пол.
Битые стекла в цехах,
ветер, сквозняк.
С крыш прохудившихся
падает дождь,
зимою снег
и мороз чуть ремонтирует
дыры льдом.
Завод работает много лет сам,
без электричества и без дров.
Людей нет давно,
разошлись в поисках
лучшей жизни.
Вжик...
Вжик...
Врывается в работу
фрезой станок,
ржавые фрезы
ломаются
в таких же ржавых
заготовках.
Впрок здесь заказов.
Директор умер не сразу —
в приемной
скелет секретарши,
директор лежит
с нею рядом, уставший.

По кабинетам —
таких же скелетов
учёных, конструкторов
и инженеров...
Сгорели в работе,
отдавшись заводу.
А завод работает сам,
и лишь воду
льют трубы
по стенам,
канализация забита —
система
вышла из строя.
Завод строил ракеты.
Заказы остались
ещё с той страны,
что раздетой
сегодня бродит по миру
гурьбой
нищих странок
и просит кредиты,
инвестиции —
кровь экономики.
Мало дают.
Им конкуренты нужны?
Может, чуть.
Но то — свои.
“Доска почёта”
выцвела в солнце,
но лица серьезные
смотрят с укором,
их фамилии
мне не знакомы.
А рядом стенд
“Они защищали Родину”,
и тоже в орденах и медалях
портреты —

мужчины и женщины
в возрасте.
— Где ты? —
себе задаю вопрос.
— Какой город СССР?
Я не смог вспомнить и место.
Командировка моя
здесь лет двести,
и я с гостиницы
выхожу на прогулки
в мертвый город.
Улицы и переулки
в зарослях диких кустов
и деревьев.
Звери рычат,
но знают меня,
наверное,
потому что часто
глажу их спины,
а потом — в библиотеку,
и читаю там книги
известных борцов
за свободу страны
(особенно наши, украинцы-паны, —
поэты горячих девяностых, крутых!).
Двести лет кряду,
а книги их — штык! —
такие горячие в них слова.
Но оказались неправдой,
брехней,
и понял я это лишь здесь,
лет через двести.
Потом я долго смотрю
на закат,
вспоминаю друзей, институт,
и филфак.

Вспоминаю митинги
двадцатого века,
пылкие речи
о новой жизни
и человеке,
который займёт место
своё.
Вспоминаю и плачу...
А потом я хожу по цехам
в километр,
пытаюсь масло залить,
если есть ещё место,
где с него польза станку
и деталям,
и слушаю скрип, писк
и грохот
свободы завода,
и с вами прощаюсь...
16.06.2013.

Как ударом молнии
я был распластан
по стене бетонной,
потом остатками себя
свалился вниз
и долго лежал и видел небо.
Облака, сменяясь, уходили,
где-то раскаты грома далеко
глухие...
А я лежал, и не хотел
отсюда уходить в свой Киев —
мне стыдно было
там за всё.
Всплывали в памяти
картины
далёкой юности сейчас,
и как мы жили,
что что-то срамное породили
и взрастили.
Оно вдруг стало как змей
по сказкам
в своих пещерах, междунорьях,
конче-заспах, прочих норах
требовать и требовать еду,
молодых девиц
и мзду, и мзду,
которую уж нечем подносить.
По свету мечется
другая часть змеюки,
и просит, побирается.
И что?
А ничего.
Почти что не дают.

Они там раскусили
змееспрут,
который накормить —
земли не хватит.
И стыдно мне,
я тоже его папа.
Я тоже приложил
любви усилия,
чтобы родить такую
человеконизость,
и я шумел и пел
на митингах “ура!”
Лучше бы немым,
глухим, слепым был я,
мне бы прощение было
от Тебя.
А так — отец его тоже я.
Во свет такое чудище
взошло.
А как вросло
в людей и божью природу
где в мозг, где в лес и в воду
огромным и домами на века,
и низость века от него
так велика!
Такое выродить
могла лишь безумная толпа...

17.06.2013.

Коммунистическая партия —
наш рулевой.
Коммунистическая партия —
за нас горой.
Но бывает прокол порой.
Разбежались оставив нас
под горой
либерального капитализма
на сам с собой,
а бонзы партии
с комсомольскою гвардией
капитализм возглавили,
а агентов влияния
в красной мишуре
одеяния
с флагами как картами игральными
оставили
вести толпу домой.
Домой...
На погост.
— Хошь не хошь,
сука, пойдешь,
выполнишь свой
коммунистический долг!
Одну шестую трясёт.
Коммунисты, окончившие
курсы либерализма
пустили всё вроде бы на самотёк,
но тот, что через их кошелёк,
и алчность оставляет
весь ток
экономики крови —
джек-пот
в виде долларов, евро
и местной валюты фанерной —
себе.

А толпе — бигборды,
вместо транспарантов
и демократические выборы
главных о главном.
Ток в проводах не всегда ток,
иногда он замыкается
и искрится.
Вот, вот!
Каждый второй — коммунист в душе —
рот разинув, стоит и ждёт
хлеба, резины и пулемёт,
но их партия всех все равно ведёт,
хоть руководители —
либералы наоборот,
на погост, на погост.
Звезда красная,
и платком подвязан подбородок,
чтобы навсегда закрылся рот.
Вот, вот.
Нам не везёт.
А кому везёт?
Да тем, за бугром,
капиталистам.
Вот, вот.
Снова демонстрация, митинг
и секретарь компартийный
как от сказа о чём-то орёт...
А народ всё мрёт и мрёт.
Когда же закончится открытый
рот и народ?
Побольше резины бы...
Вот, вот.
А они прут,
и как-то криво, зло
и наоборот.

17.06.2013.

С ребенком, девочкой
лет трёх,
на руках
мужчина день ходил
Москвой,
храня её как высший клад.
По улицам и площадям
многолюдья,
по тихим паркам,
и, наконец,
на главной площади страны.
Он не устал
и руки не болели,
он мог ещё
не день вот так идти.
Мужчина в дорогих мехах
носил ребёнка на руках
и радость была тихой
как в священных небесах,
потом пришёл и страх с тоской.
Он навсегда оставил дом,
страну,
и выехал жить в Россию.
Почему?
Судьба?
А, может, нет судьбы?
Может, это то, о чём
мечтаешь ты?
И он мечтал.
О новой жизни
без начал, которых было
много за спиной.
Полжизни смерть —
это твой сон.

Полжизни труд с учёбой
пополам,
гулять немного времени,
и там
все те же мысли о благом,
высоком,
и низком, о падении,
где лом и ломка
ценностей души.
В чужой стране
почувствовал любовь
и боль тоски по родине...

18.06.2013.

Угнетающая тяжесть
на душе.
Предчувствие плохого.
А может быть уже
наступил тот час?
А может быть, что-то
гнетёт оттуда нас,
откуда вышли
и куда придём?
А, может, не дойдём, свернём
и в место другое попадём...
Предчувствие, или болезнь души?
Как часто это тяжесть...
Не спеши.
Не врач ведь ты
ещё и своей души.
Твоя душа — ты сам.
И смотреть со стороны —
не просто,
да и что узнать?
Смотреть вовнутрь себя,
своих многоликих я...
Так кто же я?
Эти предчувствия...
Как много раз они
оправдывали себя.
Не флаг,
не транспарант,
и с ними нам идти.
Султан и царь,
князь, солдат, моряк —
и камнепад для каждого
в горах
возможен раз, и много раз.

Душа — сущность сплошных страданий
и страстей,
эмоций и горений вер
в себя, в Него
и князя тьмы.
Так много нам всего.
Душе.
И тяжесть ей,
даже если рана тела.
Смерть и страх
оставить мир.
Великий час,
и для него кумир
в горящем вихре
мыслей и оков,
которые создал себе
в мечтах.
И кто?
Ты!
Здесь.
Сейчас.
Тяжесть на душе.
Предчувствие.
И час.
У каждого есть свой.
Его бы знать!
Но он есть тайна.
Отсюда страх,
и, каждый раз,
предчувствие потерь.

18.06.2013.

Призрак кладбища
во дворце.
Призрак могил
и флюиды смертей.
Здесь и палач,
и цветы.
Здесь запах воска свечи.
Здесь ночь до утра —
надежда царя и палача.
А пока светит Луна.
Звёздный свет,
и глаза
закрытые сном —
в сновидениях все.
Но до утра
кто-то извне
резким движением
черных одежд,
огромных на теле призрака,
прикроет
свет серебра от Луны.
И не уйти.
Лишь уйти до зари.
Поспеши.
Не спеши.
Сладок сон для души.
Тело в отдыхе,
забыты заботы дня.
Но призрак не слышит,
не видит тебя.
Дворец как кладбище
с троном могил.
До рассвета лишь свет
далёких светил.

Но ты ушел,
чтоб не вернуться сюда.
Палач, палачи
мы все
для Тебя,
для себя,
жалей и помня
только царя,
и каждый из нас —царь,
и дом как дворец,
и тени от призраков
там вот, и здесь.
А тело в кошмарах
сжавшихся мышц
сновидений, в
которых ты вроде бы спишь.
И утро подскажет
твой путь лишь на день,
а призраки вечером
в черном как тень,
и ты не думаешь
о ночных снах —
ты царь,
и царствуешь
над кучкой
призраков
бывших бояр
и тенью народа.
Кладбищенских стран
глубокие вздохи,
и ты спишь во тьме
там...

18.06.2013.

Ты ждал его смерти
как счастья и радости.
Ты ждал его смерти
как обложки для гадости.
И вот пробил час,
и колокольный удар —
один лишь,
один.
Он умер.
И рад ты?
Не думаю.
Если жива душа,
если благодать в ней есть
и горит там всегда.
Желание смерти
чьей-то тебе
не будет подарком
хромоногой судьбе.
А возьмешь лишь камень
на плечи себе
с могилы его,
и тебе уж нести
эту огромину до конца
своего.
Не его.
Он упал.
Ты устал,
но скверны желаний
бьют через край
и крестных знамений
не счесть твоих.

Знай, что то желание
мерзко, коварно —
его исполнение
сведёт тебя рано
с рассветных красот
и закатных мгновений
до диких,
страшных,
адских мучений.

18.06.2013.

Угрюмость с серостью
сильны своим величием.
Угрюмость с серостью
не праздники на лицах,
а скорбь гримас и
подавленных разочарований.
Попытки снять эти маски
мрачности —
усилия
нужны большие.
Это не прогулка в лес.
Здесь лишь сила
внутренних движений
воли, духа
и сердца напряжений,
которое в угрюме
сжато тоже.
Откуда весть этих прохожих
не по дороге из
чистого песка
в зелёных чащах?
Они с других миров,
где счастье
измеряется по крови
обгоревшей,
её пепел ветром
разносится над бывшею
деревней —
сегодня там лишь церковь
памятью всплывает
в дни святые
и исчезает вновь.

А мы лихие
угрюмой серостью лица
рубить с плеча.
Топор не меч,
и с ним попроще:
поднял, ударил сзади,
можно добавить,
вопросов нет.
Можно из-за угла.
А меч ведь воина рука,
и с ним нельзя
сидеть за хатой
и ждать
вышедшего за водой солдата.
С мечом — на поле боя,
не таясь.
Там нет угрюмой серости,
и связь
разорвана по линии
лишь силы,
духовно чистые,
их изобилие хлестало
мужеством через края
по миру.
Сегодня всё из бункера,
ракетой, исподтишка.
Ха-ха-ха!
А сам в бетонных закромах.
Иисус, Аллах —
им все равно.
Хилые руки жмут кнопки,
в компьютере глаза.
А воин вышел.

Но он ещё придёт сюда
когда-то навсегда.
Угрюмые и серые
года
повторялись не раз, не два...
В них отцеживается
мерзость и пена
с подъёмом вверх
на временное им пока...

19.06.2013.

Старый дом
в зарослях деревьев
скрыт надёжно зелёною листвою.
Удар кайлом, ломом,
молотом.
На слом весь дом...
А в нём и память ночей любви
в горячие летние дни,
и детский плач,
и праздники под виноградной крышей...
И молча под ударами,
без слёз,
старым деревом и кирпичом
летит всё в тартары.
И кучи мусора на свалку,
и мебель,
и родной чей-то диван.
Любовь и память
впечатанные в стены
сгорят,
а дым и пепел — нам.
А дом лишь стонет
и дрожит
от ударов рук здоровых, молодых.
А мне такая грусть
второй здесь день...
Хоть дом чужой,
и я ломаю его насовсем.
Построить новый,
чтобы потом кто-то опять
ломал уже мой
старый дом...

18.06.2013.

Стыд.

Всеобъемлющий стыд
застилает глаза.

Нет!

Жить так нельзя,
и вести себя так...

Хочется спрятаться, забиться,
исчезнуть,

хочется навсегда избавить

дух свой от скверны,
дышать полной грудью,

жить с открытым лицом
как в деревне —

спрятать там что-то

порочное можно,

но только в себе,

и не надолго.

А стыд разъедает

измученный дух,

а стыд отравляет

мысли вокруг.

И скомканным мячиком

старых газет

стыд ищет место во мне.

А мне?

Нет!

Хочется сразу и здесь

покаяния,

прощенья людей

и расставанья с позором,

проклятьем греха в мегатонны,

способным тем ядом

отравлять дом мой и город.

А есть те, кому стыд

незнаком.

Счастливые люди,
и сильные как неприступные горы, —
так говорят часто о них.
Стыд утопает в глубинах своих,
он там теряется
в пороках смешений.
Счастливые люди
в бесстыдное время.
Время берёт на себя
всё без претензий.
Время как матрица накоплений
с ячейками памяти —
подонки и гении,
а мы туда — списать и забыть.
Но не исчезнет там
ничего,
и хранится в вечности долго
аж до суда
каждого и твоего,
а там — в переплавку
гнузность твоя,
и надолго
по крупице назад
через сердце больное,
через душу,
что так опозорена
и опущена в нечисть.
Бога частичка,
а мы её — в недочеловечность,
и в вечность.
Стыд...
Стыдоба...
Моя бы воля...
Воля всегда твоя.
А ты торгуешь ею.
Позор — дела...

19.06.2013.

Слёзы...
Жидкость, вода,
или слёзы боль на время или навсегда?
Слёзы из глаз ребёнка
на лицо матери лежащей мёртвой.
Слёзы из глаз матери
на гроб сына с войны
начатой властью страны.
Слёзы из глаз старика
перед уходом за границу жизни, туда...
Слёзы из глаз медвежонка
на тело убитой медведицы.
Сафари по-русски.
Или охота снимает стрессы.
Или охота спорт и интерес.
Слёзы львицы над
тельцем львёнка,
только что играющего котёнка.
Выстрел из карабина.
Сафари для богачей с Украины.
Отдых по-украински.
Деньги тратить нужно
для радости жизни.
Слёзы счастья после
тяжёлой болезни ребёнка.
Слёзы радости
после спасения из плена
заложников.
Одинокая слеза
капель сосульки —
уже весна и снег
уходит,
капая с крыш домов на прохожих.
Слёзы, или вода?
Я сегодня здоров
как никогда.

Дождь осенний
смывает последние листья,
они плывут с ручьями
чернея
быстро.
Деревья разделись к зиме.
Вода как слёзы
стекает по черных стволах.
Слёзы, слёзы, слёзы.
Радость и горе.
Смех и рыдания.
Встречи и расставания.
Рождение и смерть.
Воскресение Христа —
радость для всех.
Слёзы...
Слёзы обильные...
Скупая мужская слеза...
Слезы как ливни,
и ливни как слёзы.
На одиноком окне
с темной комнаты
взгляд
глаз слезящейся старости,
одиночества,
слабости.
Радости...
Печали...
Мы пьем их
сердцем,
душой,
устами.
Горечь и сладость.
Боль и отрада.
Казнь и награда
во время
когда надо и не надо.

Слеза одинокая,
и река,
и реки
слёз.
Подонки и человеки
с цветами и шипами от роз.
С любовью
и без.
Мир и стресс.
Цивилизация и прогресс.
Технический взрыв
и духовный регресс —
меняющийся постоянно процесс.
Слёз нет.
Они одинаковые всегда —
здесь и возле креста распятого Христа...

19.06.2013.

Затриманий час,
чи втрачений,
пішов від нас
багатим ще
на справи милосердя
та любові.
Залишив пустку в прірві,
де лиш розмови
та порівняння часу
як олівців дитячих —
який з них кращий,
а розмови ті не з душі,
і олівці, що пишуть
слова пусті,
покручені як ті хвости
в телят, що ремигають
у хлівці,
там ще і гній
та трохи перепрілої соломи.
А він кричить і радить
всім любити
їх, таких далеких
від народу,
і наближених до широкого
проходу в світи
померклі ще з часів,
коли й хліва ще не було,
а були люди
та шляхи у травах,
і птах співав світанком
для людей,
а люди працювали
ніч і день.

Христос ще не
прийшов до них,
треба було ще
декілька тисячоліть.
Дуби сплелись гіллям
покрученим із товстою
корою,
і я під ними набираюсь
сили і любові,
і віддаю їм втому,
пустоту душі.
Я випив себе сам,
пишучи вірші.
Папір — не стріха,
на ньому добре видно,
і я пишу,
зі словом йду в народ.
Я не Христос,
я українець
з добра й любові.
Мені не треба слави,
відзнак і нагород,
я тільки попрошу:
слухайте, читайте
те, що я пишу,
можливо, це змінить
щось в глибинах наших,
і ми себе, і світ побачим.
Та чує мало.
І не хочуть.
Тут Бога знають,
та не дуже довіряють,
вірять, що самі
зроблять краще.
А хто тут я?

...Бреде отара по молодій
траві.

Пастух вклоняється
до сонця і землі.

Але то час старий,
і не пішов від нас.

Лишився.

На досвітку країн,
яких ще не було,
а був лиш тин
між небом і людьми,

і люди в шпарки
продивлялись вгору,
шукали розумом

Владику Бога.

І віднайшли.

Думали, що назавжди.

Пройшли часи.

Прийшли часи.

Бог є.

А де, народе, ти?

20.06.2013.

Білим полем
в снігах на Водохреща,
туди, де тополі,
де колись було вогнище,
в осінь затриману
травами жовтими
і птахами,
що лишилися на зиму,
я йду попід лісом.
Пам'ятаю розмови
біля вогню червоного
дідів сивих-сивих,
що пройшли життя відведене
на землі рідній, поліській,
над озерами з вербами.
Тополі далекі
в небо стріляють гілками,
тиха балачка
про життя і світ цей.
Хата під лісом
біла-біла,
рудою глиною
призьба підмазана.
Балачка про давнини далекі,
туманами сховані —
коні, вершники, битви, —
про життя малописане,
працю тяжкенну,
животіння злиденне,
але радість прописана
Богом на обличчях
аж темних.
Обнімаю тополю
і дідів бачу сивих:

той простий їздовий,
той волами
по сіль в Крим,
і легенди, легенди —
слухав би вічно.
Балачка тиха, спокійна,
не сьогоднішній лемент —
бо слова помінялись,
і та ласка всепрощення
стала палюгою, пужалном
по голові.
Добротою віджиті,
зійшли разом з житом,
нам залишили пам'ять...

20.06.2013.

Хрести, хрести, хрести,
мов на цвинтарі,
куди не глянь —
стоять, стоять:
поміж дерев, у квітах,
з заліза,
дерева,
граніту.
Нема кінця,
звідусіль їх видно.
Неначе армія
вони стоять, стоять
німим докором
для всіх нас.
Музика вітру
грає марш
із болю лиш
та смутку,
і натовпи людей стоять
в широких полі
серед м'ят, любистків
та барвінку,
один до одного
тілами притулившись.
А очі їх неначе
сном прикриті,
і чути
плач і зойки, крики.
— Візьміть собі хреста! —
їм кажуть птахи.
— Візьміть хреста!
А тут хрести
виходять до людей.
Що за день?
А люди, натовпом,
назад, назад.

— Не треба нам,
не треба!
Ще не час!
І всі хрести піднялись
в небо,
закривши сонце.
Відлітали,
покинувши людей і землю.
А люди рахували гроші,
закривши і надалі очі,
стогнали і ревіли
про своє.
І натовп цей у полі
вже стільки літ...

20.06.2013.

I.

Давай-ка, Вова,
в Оттаможенный союз
мы всех загоним,
всех скопом с бывшего Эсэсэра,
прибалтов тоже вцепим
за мзду офшорную,
что прячут по сусекам,
разлагая капитализм вконец,
да и все офшоры вместе,
морем их,
в державу нашу
под Госбанк.
И партии,
которых очень много:
отправим
золото нам мыть
под Магадан.
А создадим единую страну,
но для людей,
которая пойдёт верхами
и по дну как сеть,
очистит люд,
назначит новых
нам министров,
которые встречать будут рассвет,
писать стихи
и верить в Бога!
Нет?
Вова,
тех, что ты лелеял,
очень много,
и половина с них,
а то и больше,
уже в Лондоне,

а кто-то где-то
прячется
и спит одетым —
ждут, как всегда было,
что за ними вот-вот придут.
Послушай, Вова,
Россия не корова —
ещё немного
и вымя оторвут.
Украина уже лежит —
сена нет,
и нечего доить,
а вымя съели
ещё когда и жрать
не очень-то хотелось,
но собирали всё
в те же, блин, офшоры,
про запас.
Лежит, Вова, корова
давно у нас,
вчера я был возле нее —
копыта режут,
рога,
и кричат:
— Сдадим сырьё!
А рожи их чисты и светлы,
и порока сверху не видать,
и лишь мешочки,
проклятые мешочки,
специальные мешочки,
в карманах их лежат.
Давай-ка, Вова,
пока на всё готов я.
Дай мне штаб
объединённый, блин,
на день, на два,
а сам пока ты отдохни.

Я мягко очень,
без крови и соплей,
остатками былой той
славы,
что коррупция сожрала,
справлюсь, Вова,
а мир и не моргнёт.
Он не успеет.
А Восток весь, Вова,
за нами в тыл
тоже войдёт.
Державу — людям,
пока мы живы.
Время — влёт!

II.

Благодаря сети,
прочитал Вова Путин
всё-таки мои стихи,
и пополудни в субботу
в небе появились вертолёты,
и один из них
на лужайку прыг-прыг,
а оттуда парень
молодой, но важный,
мне бумагу:
на сборы — ноль минут.
И я, как был по лету —
в шортах, тапках, кепке, —
через час в Кремле уже сидел.
Вова нервно мял бумагу,
курил сигару,
и был неузнаваем.
— Это шутка?
Или правда?
Я согласен, парень.
Но ты справишься,
не свалишь?

Эсэсэр ведь не игрушка,
территории и люди...
— Нет, Вова,
я готов.
И через час рядом
был друг Миша —
помочь, и записать
для книжки.
Мы начали чуть-чуть стемна,
в ночь полнолуния —
операция “Хана”.
В гражданских самолётах,
по расписанию,
во все стороны когда-то
страны большой и суровой
отправлен был десант.
В поездах, по расписанию,
армия ехала в стороны
всевозможные,
строго
тайну храня —
окна закрыты шторами, бля.
А через четыре часа
я выступил по радио и телеку.
Да!
Не война.
Мирный братский заход.
Я украинец, Россия здесь не причём!
И дал команду всем
водителям экскортов,
чтоб сами везли своих
господ —
государственных, партийных,
бизнесовых бонз
в пункты сбора общие,
и чтобы население
могло включиться.

Вот-вот-вот.
Вова улетел на Канары,
но связь держал нервно,
упрямо.
А к утру всё поменялось.
В пункты армейские призыва
знать государств, что блудливо
блудила,
охотно свозила их же
охрана и водители,
и подписка секретная
никого не спасала.
Утром очертил границы,
кофе выпил,
а потом водочки.
Миша принёс геркулес
и изюм.
— Всё, — говорю я, — браток.
Все собраны
ровно за ночь —
союз готов.
Европе и Штатам помочь могу тоже.
У них полуоблом.
Я не тиран,
пусть Вова вылетает
сюда уже к нам —
хоть Кремль сутки мой,
но я его отдам.
Мне, Миша, только стихи,
люди, страна.
Как и ты,
я парень простой
и открыт.
Мне за мир стыдно
и горько, горько болит.

Мы стали
даже не бараны,
мы стали даже не козлы,
черти нас так помяли —
за всем за этим уже
сплошные психбольницы
и кранты...

22.06.2013.

Мелькание мелкого
измельчённого в просыпь —
через сито просеяна
человекоособь.

Мельтешение умства
на образование множенное,
книги читались учебные,
но ум свой себя возносит.

И сказал как отрезал.

Я и мнение личное,
всё другое — зловерное,
маразм и писанье.

Нетерпение к личности,
мелкоразнообразия
постсоветские истины
и платнодельны экзамены.

И — ха-ха! — я хихикаю
как дурак под калиною.

Я люблю всё любимое,
но я — истина.

Слышите?!

Будь-то доктор-могильщик,
будь-то врач-резинщик,
будь-то просто чиновник
по венкам к изголовью,
нет в нас знаний

в культуре,
мы калеки в литературе,
инвалиды в искусстве.

Кто же оценит нас
в пусто?

В пустоте неразумия,
когда наше я есть умение,
когда наше я есть знание
на пороге безобразия...

22.06.2013.

Вавилонская башня,
столпотворение.
Инородцы, иноверцы
и калеки-население.
Все что-то говорят
и горлопанят,
клянут, клянутся
и колени преклоняют.
Народный депутат
с Одессы,
какой-то Пресман Юморесник
криминальных авторитетов
называет самородками страны
и предлагает, и мечтает,
и призывает,
чтобы таких побольше
было.
Кум его какой-то
Онанист-законник —
погоняла редкая,
запомним, —
удален был
в Грузию ментами,
но так, что оказался
где-то под Панамой
с мешками денег
с хохломассы,
биоспитой биомассы,
скурвленно продажной
массы,
затравленно обманутой —
с согласия личного
легли
под бандитов.
Брак такой
похлеще однополого.

Ковбой по-нашему
как хохломой
украшенный.
Авторитет — бандит
в стране, где
Бог распят втройне
за эти годы
“веры”,
расцвета храмов,
которых горы,
но в них
всё та же хохломасса,
раскрашена, куплена,
помята,
испугана и падша.
Иноверцы, иноходцы,
обиралы,
заохотцы.
Столпотворение
и Вавилон,
где все на разных языках,
и речь другу
не понятна,
не слышима,
не внятна,
а унизительно отвратна.
Растоптаны, разорваны,
оплёваны и сгорблены,
унижены и прокляты,
с бандитами на спинах.
Как ковбой на лошади
по-украински —
криминальный авторитет:
— Зека, привет!
Дай конфет!
Это уже не голова больна,
а чёрт замест...

22.06.2013.

Держитесь, люди,
не то тут будет!
Ещё цветы нам собирать
и семена
всех этих, что придётся
нам косить и рвать
растений невиданных,
неведанных ботанике нигде,
да и зверья поразвелось —
вся зоология в глубоком тупике —
они плодятся,
скорость света им —
игрушка.
Как мотороллер
и “феррари”с бабушкой-старушкой
у народа
с головой.
Урод,
что сделал?
Как погладил,
как скрутил и смазал сажей,
а впереди сбор урожая:
нам цветочки —
им начало
и конец.
Но это не хлебец.
Здесь не пашня с полем ржи.
Здесь кто кого.
Да не скажи!
Они давно нас
по спирали
специальной, внутриматочной,
попропускали,
поэтому мы вышли
на воздух,
а он в парах бензина
и горло режет,
и тело пилит:

— Плати! Плати! Плати,
а то усилят
твое желание обратно
по спирали
туда, откуда вышел
ты на это днищералли.
И платим,
и терпим,
несёмся,
ждём.
Оппозиция наша за
нас всех горбом
после морей
далёких и теплых,
после отелей
со звёздами — в осень,
на митинги
с воплями дурацкой надежды.
А воз наш гражданский
ушел мимо цели
по той же спирали,
по которой прогнали,
и на дорожку
её нам постлали,
и только лишь боль
головы перекрученной
ещё нам надеждой
на цветы, что
будут получены...

22.06.2013.

Остановить движение
мыслей —
остановить движение
частиц в мозгу.
Зачем тогда жить?
Я так не смогу.
Хоть мысли идут
грустные, скорбные
от неправды мирской,
и я в них заложник.
Да, заложники все
кто здесь, на Земле.
И те, кто умудрился
всех загнuzдать в узде,
и те, кто поддался
и рот свой подставил
чтоб в него железяку
хозяин вставил.
А поводья все свили
через сеть
электронными нитями
туда, где он, Зверь.
На далёкой, далёкой
Стрит, в кабинетах,
с книгой в руках,
он думает что-то,
и мысли его
я ловлю и читаю.
Антихрист — наш бог,
его мы избрали,
и кто бы не вякал
мне что-то
о вышнем —
не верю.

Таких — единицы,
что давно к Нему вышли,
а остальные —
деньги считают,
мало тех, кому их хватает.
Хватает тому,
кто вышел и бросил
бумажник свой
тощий бесу меж очи.
Остальные — считают:
хватит?
Не хватит?
Хватит?!
Конечно, не хватит.
Ведь подняты рейтинги
супербогатых,
кто Стриту упал на колени,
и клялся.
Учёный, бандит, политик,
и старший
отметил каждому срок
и души часть,
которая пошла
на оброк.
Миллиарды
в скитаниях мелких —
смеются с них, идиотов,
там сверху.
Как черви в навозе
копошатся считая,
и радуется глаз,
и глаз хитро моргает,
мол, хватит на всех,
надолго
и очень.
Я миллионер!

Дурак ты,
охочий до
цацанки от дяди
божка нынземного!
Он тебе еще впарит
так, что
тревога сикось
и накось
через тебя.
И не спать,
и не жить.
Лишь думать, гадать,
где их побольше
еще бы набрать.
И мысли мои
грустны и тревожны.
Сколько люду
свинтилось
и вышло в прохожих
по жизни, где дар —
сама жизнь
и ещё.
Но Бог для них стар,
и устали они от Него.
— Эта любовь,
где лишь запреты,
эта любовь,
где женщины — дети,
все под смерть
наказанные потом...
Нам нужна
жизнь!
— А жизнь для чего?
— У нас столько денег,
и радость от них! —
считает ребёнок,

врач и старик,
мент при нагане,
министр за столом,
считает учитель,
офицер за углом,
считает и президент
каждой страны:
— Во, бля, как мало!
А голос за спиной
шепчет:
— Иди и бери...

22.06.2013.

Горят деревья
в июне в пожаре.
Горит старый сад.
Потушить бы пожар мне,
но с жесткой гримасой
лица
я стою и команды даю
палачам:
— Жечь! Жечь! Жечь!
И как после войны —
пожарище, дым
и тишина
на многие дни,
и только деревья
с поседевшей листвой
немым мне укором...
Позор!
И всё ради денег,
чтоб было побольше.
Жуть...
А как быть с пожаром?
Я просил прощения
в деревьях,
в травы и кустарников.
Они мне не верят,
зная, что пилы
уже ждут сигнала.
Борьба здесь за деньги,
а страдания тебе,
старый сад...

22.06.2013.

Я жизнь продлеваю
в затворе,
терпя оскорбления, позор,
но изменить мне что-то
уже нет сил.

И просит сердце:
— Возьми и брось!

Уйди на север,
хочешь, на восток.
Возьми Викторию,
и победи!

Жизнь короче будет,
но ты сгоришь
в любви.

А я терплю,
и согрешаю.

Я взрываюсь
и бросаюсь
то влево, то вправо —
всё по грехам,
а мир ещё
всё больше жмет
не там,
где нужно,
а там, где
все легко и
дружно,
гурьбой весёлой
на меня в затворе
прёт.

А я терплю,
и не мечтаю сегодня,
Вика, о тебе...

22.06.2013.

Дождь крупными каплями
в лобовое стекло автомобиля.
Солнце в облаках скрылось.
Но колёса крутятся быстро.
Ливень, ливень
и свадьба Лили.
Дочь, девочка, уже замуж...
— Андрей, береги её...
Аист в небе.
Может, скоро
дети, дети
меня вспомнят...
Птицей, журавлём
над землей взлечу,
лет через сто на вас посмотрю...
Свадьба.
— Горько! — кричат гости.
Поздравления.
— Счастья в любви!
— Будет, будет! — вы обещаете.
Но время сносит
часто на край нас.
Помните о любви,
которая не только поцелуи.
Любовь — небо, облака,
роса и лилии белые,
красные, оранжевые
в саду вашем —
мир прекрасен.
Свадьба, свадьба...
Веселье, смех.
Я вас с любовью поздравляю.

22.06.2013.

В бесконечно большой
Вселенной
я всего лишь даже
не точка.
Как сравнить себя
с Юпитером,
или же с Солнцем?
Но Бог дал мне Землю,
всю планету бесплатно.
И только лишь любовь
моя
Ему за все Его траты
по научению меня
вечности,
по научению жить по сердцу.
А я возомнил о себе:
человечище,
который вертит планетой!
Мне бы её лелеять,
беспокоиться о каждой соринке,
а я по ней — плебеем,
и тяжелыми сапожищами.
Что говорить о духе...
Душа — часть Бога.
Гордыня и самомнение,
унижение достойных.
Сегодня я каюсь.
Пришел день Святой Троицы.
Капли дождя как слёзы
в праздник этот часто —
это плачут ушедшие
и желающие сюда, обратно.
Но так Бог устроил.
Вечность движений в вере.

Ничего нет постоянного —
только Он и вечность.

Я становлюсь на колени,
и голова с Землёю.

Я молюсь,

прошу,

верю

во всепрощение

нас всех,

Боже!

23.06.2013.

Не носись ты с собой
ношенным,
опустись ты на землю с росами,
опустись ты в луга с цветотравами,
опустись ты в туман
с гаммами
пенья птиц на рассвете
рано,
и с туманом в тумане
плыви вдоль реки
прямо.
Человек ты, или главный?
Если главный, не делай
этого,
восседай в кабинетном кресле,
восседай на диванах мягких
автомобилей шуршащих.
Восседай и руководи миром,
но помни — недолго
живут кумиры.
Не равняться им с
росой на ногах босых.
Человек ты или служивый?
Кому служишь
сегодня в мире?
О себе помнишь
денно-нощно,
и в карманы суешь
помножку,
забывая зачем в службе,
помня о себе нужном,

и любовь для тебя
лишь хозяйство,
которого собрано по-барски.
Человек ты или
подлец?
Что туман тебе,
что венец,
ждущий там где-то
в дали вышней?
Ты живёшь преступленьем
к высшим
от себя,
но так не считаешь.
Ты высокий,
но в низменных планах,
а высоты простого
в жизни
для тебя, подлеца,
не видны.
А туман, смешавшись
с солнцем, —
белый цвет и золото
осени ранней, —
сердце рвут
светом,
и я плачу от счастья
жизни.
Я люблю всех,
кого я вижу.
Я люблю и страдаю
вместе
с миром чести-нечести.

Где-то
птицы, вновь
собираясь в стаю,
меня криками
призывают.
Но лететь мне пока
рано,
здесь любимые все
в росе трав
и туманов.

23.06.2013.

Междунорьем кто-то бродит,
лес скрипит, и непогода.
Полная луна вся в жёлтом свете.
Самоцветы добывают по могилам
археологи-страшилы
в форме чёрной,
снизу крылья,
когти, ногти
обагрили кровью
с грязью.
И завыли волки на холме.
Как мило было здесь
ещё недавно!
Лет эдак с тридцать назад
появились из-за моря
люди в шароварах.
Ветер дул свободы.
— Скоро, скоро
жизнь пойдёт совсем другая! —
нам орали-обещали.
Мы легли
и долго спали,
оказалось — всё проспали.
Территорию забрали
новым людям в пене с моря.
Пена пахла очень плохо,
может это всё с очистки,
с канализации?
Нечистых мыслей стало больше.
И мы друг друга
здесь поносим.
Тянем, тырим.
Оскорбляем и ломаем.
Но тех, кто в Междунорье,
Конче-Заспе
мы совсем не обижаем.

Они пену смыли,
сбрили
шерсть из тела,
как гориллы
они были.
Мы помогали им, несчастным,
мы вздыхали скорбно,
да, бывало, и поплачем
над судьбой их
трудной, страшной.
Мы служить им стали.
Башней
вознеслись они над нами —
мироправы, мыслеправы.
А мы стали как заводы:
валы, шестерни,
станки,
всё вращается, гудит.
Каждый восходящий в башню
нам достраивает злачню,
или цех.
Конвейер длинный.
Все власти новой Украины
добавляли мастерство,
технику,
и понесло
завод вразнос.
Масла нет для всех колёс,
мы туда сливаем жидкость,
что попала в руки:
слизость, пищи часть отходов
на валы червячных ходов.
А завод гудит
аж воет,
как те волки
в Междунорье.

А из башни новый
властный
добавляет без согласия
новых линий и цехов,
то “хюндаев” поездов,
то подводный флот с Каира,
то ракеты со всего
земного мира,
и завод уже
вся Украина.
Разрастился, разметался —
места хватит.
А строптивцы,
кто закрылся,
кто свинтился,
кто убёг как конь куда-то.
А завод стучит,
судачит, воет, ноет
и грохочет,
но на выходе —
нули.
Нет продукции.
Кули из соломы старой,
что остались от рекламы
жизни чисто украинской.
Отдел сбыта
распустился:
нечего сбывать с завода.
Он трясётся, горько воет,
а его всё дальше строят.
С башни бритые
затылки,
бриты руки, бриты ноги,

пилы в их руках,
и вила, грабли,
разных видов есть лопаты,
лом, топор,
и ключи,
разводные, трубные.
— Ты кричи, кричи! —
говорит мне сверху
жлоб,
и пилой машет пилот,
наверху, аж в синем небе:
— Ты напишешь то,
что нужно,
и язык твой
разный будет,
как у нас!
...Археологи стучат
кайлами.
Здесь не шахта йолы-палы!
Здесь могилы из веков.
Но они роют, будь здоров!
Всё Междунорье,
как боров
носом по весне
в земле,
и люд занят, как по мне,
на заводе президентов,
премьер-министров,
резидентов,
администрации и воли.
Так назвали его.
Больно, больно
стало многим.

Но они все на заводе.
Украиной
льётся пиво,
льётся водка,
и строптивых
стало мало.
Волки воют...
Как завод...

23.06.2013.

Я стучусь в вашу дверь
закрытую,
я стучусь, но меня вы
не слышите.
Я шепчу слова любви
и страданий,
но в доме люди другие —
он занят.
Вы ушли в мир иной,
мне говорит пролетающий
аист,
и просит к себе в гости:
— Мы любим тебя
и встретим
как родители твои
каждым летом...
И комок в горле
со слезами вместе
грусть гонят
в моё сердце.
Я брожу по улицам,
надеясь встретить
кого-то живым
из жизни прошедшей.
Но улицы пустынные,
и только иногда
проезжают автомобили
чужие.
Горечь потери дома
родительского...
Нет у меня теперь
круга спасительного,
только Бог и Его истины.
Но я так грешен.

А двери в дом родительский
уже навсегда закрыты...
Только Отец небесный
мою тоску чувствует
и слышит...

24.06.2013.

На растопку топки
чешем по дорожке,
горлом рвём как буром
сердце тех,
кто слуги
сил духовночистых.
Мерзостью безличных,
скверностью безликих
по дорожке свистом
разбойничьим,
нечистым,
обобрать,
убить,
искалечить и добыть
себе бальзам из мути
на душу, что
падлючит
в дни святые
скучно.
И бурим мы сполна.
Нас много,
почти что вся страна,
которая сорвалась
и отдана была.
Эх бог наш, Сатана!
И для него мы все,
хоть молимся крестом.
Но этим ещё больше
крест мы переносим
в разряд, где нивелируют
святых и их дух.
Эх бурим,
буравим
сердце
ором, криком,
децибелом громким
вводя других в грехи
ответом их.

— Кричи! Кричи!
Сорвался
и не удержался,
и стал таким как я!
Вот сила
Сатана!
А нам бы всё стерпеть,
как Бог
сказал,
и сесть тихонечко в углу,
молиться,
и звезду
свою увидеть
терпя.
Они пусть ненавидят.
А мы — простим...

24.06.2013.

Ломаясь, склоняясь
перед будто-то судьбой,
мы обрываем все нити
с собой.

И только в этой боли
и тьме
кромешной,
жестокой,
мы движемся к ней —
цели, которая
в наших мечтах
с глубокого детства,
с юности.

Раз и второй
попытки в обломе,
и бьёт по спине
горячо и так больно,
и сносит в обочины
бытия под бордюр,
может, в канаву
сточных вод.

И весь люд,
барахтаясь в тени,
рад, что
до света
рукой лишь оттолкнуться,
или встать,
и, ногами дрожащими, —
один только шаг...

Но не всегда.
Свет часто пугает.

На нём видны мы
себе сами,
рванье одежд,
и лица синим-синие,
но, главное, глаза,
которые выдают нас,

и нам не осилить
спасительный шаг.
Губы избитые
друг другу под руку
горячую, злую,
с кровью засохшей,
запечённой,
внуков поучают
как нужно жить,
и счастья желают,
и многия лета.
А жизнь наша мятая
по жаркому лету
не состоялась
и протекла
на этих обочинах,
ямах,
и тля глаза застилала
от цели всевышней.
Жизнь брошена
оземь...
Боже!
Ты слышишь?!
Что с нами вышло?
Как мы могли
бросить всё светлое,
и в этой грязи,
пихая друг друга
ногами, руками,
а мало казалось —
то и ножами.
Зарвавшихся
и это не убеждало:
они пушки тащили,
и пушки стреляли
в гущу копошащихся
в грязных канавах,

и вместо воды
кровь поливала,
сплывая в низины,
в отстойник,
в очистку,
чтоб дальше,
не кровью,
а чистой водичкой...
Кого же дурили
и дурим обманом?
Кто здесь потерял,
а кто только ранен?
Вопросы, вопросы
себе задаем...
А ответы нам режут
металлом,
кайлом
наши из наших,
но на наших плечах
поднявшись в князи
из грязи канав
ради нас,
но, оказалось,
ради себя.
Обочины, тени...
И там теперь я
снимаю картины
жуть жития
братьев, сестер.
С ними и я.
А эти, на спинах
и на плечах,
шеи — в ошейники
с золота.
Взмах дирижера —
и все поют,
языки — на полметра,

и волосы, вдруг,
шерстью становятся
жесткой и страшной,
и рога вырастают
на головах их.
А нам из-под низу
и слышно-то плохо,
и видно немного,
но мы пытаемся
двигать ногами.
Шаги, шаги...
А, может, нам кажется
в наших канавах,
где всё так привычно
то кроваво, то грязно.
Но дирижер жмёт
на педали
странных органов
и машет руками,
а те всё поют
и шагают ногами
по нас:
шаг,
а другой, чуть полегче,
над нами.
Ломаясь сломались,
смирились, упали.
Жизнь под откос
как поезд...
Цунами могли бы
все вместе ногами!
Но лежа шагать
можно лишь мысленно...

Сами мы это
всё понимаем,
и мысленно ноги,
одеревеневшие от
лежання,
пытаются сделать
шаг к свету.
Вот так мы все
вместе:
те, что сверху,
и мы, что под ними,
десятилетиями
к свету шагаем...

24.06.2013.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I.

Психотропные войны.

Десятилетиями страны-лидеры двух миров противостояния США и СССР вкладывали в секретные программы по этой теме немалые средства. Много ученых как в омут с головой бросались в темы, закрытые железными дверями. Защищались диссертации, появлялись новые кандидаты наук, доктора, профессора и академики. Весь смысл заключался в том, что некий индивидуум или прибор им придуманный смотрят напряженными глазами или излучают какой-то определенный спектр волн на массы людей и якобы заставляют их выполнять его волю. Психотропные войны. Мечты идиотов и проходимцев, делающих карьеру на муре.

Может быть, сегодня тоже ведутся такие исследования, может быть, какие-то результаты болванизации широких слоев населения удалось воплотить в жизнь, но деньги выброшены явно на свалку.

Психотропные войны в подобном виде никогда невозможны. Психотропные войны и ведутся особенно на постсоветском пространстве антихристом, подлыми правительствами и мудрецами от политтехнологий и психологий всех видов, неосознанно, но надёжно против своих народов. Это и пиар всех видов, это глянцевые журналы, это светская жизнь, это пасторы всех направлений новых церквей и церковных обществ, это средства массовой информации и особенно телевидение и радио. Это политтехнологии штабов партий на выборах, референдумах и других акциях. Абсолютно смешавшись в “элиту” страны антихрист со слугами, государственные деятели всех видов и психологи с политтехнологами выбрасывают на головы народов триллионы килотонн информационного мусора. Слова о светлом будущем, о кризисе, об миллионерах и миллиардерах, их образ жизни

и его реклама и пропаганда. Подтанцовывающая и хохочущая попса и юмориадины размягчают сознание и подсознание, меняют нормальный человеческий поток мыслей и невротизируют индивидуума. Но это всё неосознанно.

Осознает антихрист со соглядателями, а предавшиеся ему верят в навеянные им действия.

Народы больны, как и церковники, но для них Бог — это кто-то там, далеко. Жизнь утешит, прессует и развращает. Жизнь дебилизирует, болванизирует и идиотизирует целые народы или, в крайнем случае, их большую часть.

Психотропные войны.

Покончить с ними может только Бог и люди, оставившие мир и низменную сладость сладострастия, сребролюбия, накопительства и потребления. Этих людей много и не нужно. Бог сказал в Ветхом Завете: Я спасу город если в нём будет хоть десять праведников. Сегодня уже есть праведники в мире, в разных странах они закаляют свой дух и вызревают сознанием. Так что не всё так грустно и не всё так безнадежно. Цивилизация не погибнет, но она изменится, даже если это многим не по душе.

II.

Злость. Злоба. Зло. Кружит по миру грязной какофонией непреходящей эпидемии. Нет иммуннорегуляторов, нет вакцины для прививки. Был человек, а стал нелюдь. Напитавшийся злостью на всех и вся. Истошно крестится и истерически молится, боится Бога, но не как Отца Небесного за нарушение Заповедей и кары за эти грехи, а только ради корысти и выгоды собственной.

Деньги, комфорт, имущество и побольше. И три пальца вымытой руки осеняют без конца к месту и нет себя крестным знаменем. А злость переполняет душу и сердце, кипит и выливается наружу тлетворной темной нечистью на окружающих людей. На своих, злосодержащих под завязку, — нет,

а на доброго сердцем с усилием. И покончить с этим нелюдцом и его злом уже нельзя никак. Ни уговорами, ни лекарствами. Есть одно средство — это изоляция от мира, не обязательно в тюрьму. Есть и больницы с тяжелыми диагнозами.

Зло шлейфом тянется за этим индивидуумом, рассыпается по миру, но это зло его. Оно пронумеровано и прошнуровано и к праведнику войдет рана сердце, но после молитвы уйдёт обратно. Наступает период когда этот нелюдец, а их очень много, утомил людей и в средствах массовой информации и при личном, не дай Бог никому, общении. И находится праведник, и воля Господня на то. Зло собирается по всему миру и как миленькое, на поводочке, в клетку, в сумку под номером и реестром. Всё туда, в сердце злого. Его злость размноженная, распространённая, вернулась домой.

Её мощь и сила в своем грязном негативе огромной тяжестью давит на душу. Кается, молится, храм и священник.

Переплавлять эту огромную критическую массу необходимо огромными страданиями в болезнях: онкологии, параличах. Долго и долго. Часто индивидуум под номером шестьсот шестьдесят шесть дробь один и так далее покупает веревку или специальный шарфик. Кто-то берет нож и тот же пистолет, которым потчевал других, но уже для себя. Сила праведника велика.

Его Отец — Бог, и навсегда.

И говорил Бог о Содоме и Гоморре: Найдите мне десять праведников и я спасу города.

Злость, злоба, зло. От дьявола как бальзам для уловления душ слабых и людей с черствым сердцем и умом примитивным. Молитесь за них все. Не держите зла на злых. Они идут в ад. Помогите им вернуться назад. Они рядом с вами. Терпите их горе, оно безгранично.

Смерть души и грехи на потомство.

Чему завидовать, и как на них злиться?

Но свое зло они должны переплавить на добро, мечи на орала.

Не нужно радоваться. Зло в той или иной весовой единице есть в каждом из нас.

Спаси, Господи, нас заблудших.

III.

В память абразивным кругом или циркулярной пилой возвращаются события последних лет жизни в “свободе”, но под смотрящим. Память ранят эти воспоминания, разрушает мозг на части, и я снова себя собираю, чтобы идти дальше.

Путь остался один.

К Нему.

Здесь всё так смешано, замешано, что уже понадобится только Его сила на возвращение к чему-то человеческому.

Шел 1999 год, апрель, суббота.

Завтра будет Пасха.

Я, будучи больным после автомобильной аварии, создал свою маленькую фирму “ИМА”, и занялся книжной торговлей и попытками книгоиздания.

Мы жили в СССР. Это была, как нам говорили, самая читающая страна в мире. Книги были в большом дефиците. За десять лет до злополучного 1999 года.

Я имел уже пятнадцать торговых точек. В фирме работало около шестидесяти человек. Мы платили в месяц до тридцати тысяч гривен разных налогов. В бизнес я вкладывал всё, что зарабатывал.

Это была вторая по объему книжная фирма. Первым были “Дикси” — мой приятель Дима.

И вот по указанию мэра Киева, героя Украины, товарища Александра Омельченка и его заместителя по культуре огромным полчищем с силовыми органами утром рано фирму закрывали. По “понятиям” босса и его боевиков. Изымались разрешительные документы, а книги увозились на свалку. Пятнадцать торговых точек и шестьдесят людей...

Завтра будет Пасха.

На маленькой кухне площадью в шесть квадратных метров моя дочь Ирина месила тесто для выпечки пасхальных куличей и плакала. Её слёзы стекали в тесто. Покойная мама её успокаивала.

Я был инвалидом труда, отказался от пенсии, мне было стыдно драть ещё с государства что-то себе, если я мог заработать сам.

А наавтра мэр Александр Омельченко в прямом эфире будет стоять со свечой в храме, целовать руку патриарху церкви и говорить: “Христос воскрес!” И он в это как-то верил.

Но для него Христос скорее был таким же юным революционером как и я, и многие другие. А он был над нами. А вчера книги на свалку, а в третьем рейхе в костёр. Два случая я знаю в мире такого обращения с книгами там и здесь.

В Германии 1933 и Украине 1999.

Страна оказалась не такой уж читающей.

Она была больше собирающей. Книги — дефицит, а значит, деньги. И, по благу, их себе домой на полку. Много книг — красиво.

Сегодня в стране очень мало книжных магазинов. Кстати, о фирме “Дикси”. Диму посадили в тюрьму на пару лет. Фирму разнесли, как дрова. Мы с ним были одними из первых на рынке книги.

А Омельченко со звездой Героя то убьёт человека джипом на пешеходном переходе и откупится всего лишь тысячей долларов, то соьёт ограждение. Так и геройствует.

А Союз писателей остался рудиментом советской эпохи. Он выгоден властям. Проводит чисто советские мероприятия памяти, чтений, конкурсов. Люди получают видимость литературной жизни. И всем хорошо.

А литература гибнет, а магазинов почти нет, а народ читает мало — в основном газеты и гляцевые журналы.

Пасхальные куличи 1999 года мы ели со слезами дочери. Она знала как мне тяжело было создать и поднять эту фирму. Но книги оказались на мусор-

нике. Я потерял много денег на этой спецоперации, и, слава Богу, жив, но память дерёт абразивным кругом и циркулярными пилами.

Что-то с нами не то.

Нам нужно в Европейский Союз. Может, будет больше денег и власти для власти — нашей родной бизнесэлитовласти, скорее — обдираловособирало, пусть уже — “элитовласти”...

Они почти не читают.

Они все одинаковые.

Они из одного теста замешаны.

Но там не было слёз, как в наших семейных пасхальных куличах, а была какая-то доселе неисследованная гадость.

Содержание

<i>М.Малюк. Вырваться из тлена обыденности</i>	<i>3</i>
«Слава, бесславиe...»	10
«Сначала Первомай...»	12
«Город и грёзы...»	16
«Вчера была гроза...»	17
«Российские баре...»	20
«Телевидение и пресса...»	23
«Крутее крутого...»	26
«Меня вырывает...»	28
«Оппозиционные силы...»	31
«Слава всем, кто умер рано...»	33
«Цинизм циников...»	35
«Монстры бездушные...»	37
«Падение на подъёме...»	39
«Стой!..»	41
«Академия пасторов...»	44
«Тихо, тихо...»	46
«Политический диспут...»	48
«Май уходит...»	53
«Люди живут...»	55
«На головах у нас наушники...»	58
«Конкретный наш простой...»	60
«Реквием пасторов...»	62
«Жизнь не то, ...»	65
«Ночной звонок...»	70
«В дебри завели меня менты...»	73
«Захитався світ...»	78
«Слабоумная старуха...»	79
«Я унижался...»	82
«Измы сзади...»	85
«Депутаты в зале строго...»	88
«Министр обороны, обороняясь...»	92
«И снова меморандум...»	93

«Счастье человеческое...»	95
«Шорох, шорох, шорох...»	98
«Вокзал...»	102
«Вжимаясь в землю...»	105
«Душа в темнице тела...»	108
«Звонко, эхом...»	111
«Брызгами роса с туманом...»	115
«Брызги, брызги...»	119
«Силы истрачены в любви!...»	122
«Продаю шарфики!...»	127
«Я буду счастлив...»	130
«К вечеру с востока...»	133
«Тихо в террариуме...»	139
«С полей апрельских...»	144
«Любовь умирает тоже...»	146
«Лесопилка, пилорама...»	148
«Либералы в Украине...»	151
«Что-то темно стало на улице...»	157
«Надрываясь, с надрывом...»	160
«Есть конституции по странам...»	163
«Я часто желал себе смерти...»	168
«Из Египта древнего...»	171
«Люди женятся по любви...»	174
«Ржавые шестерни ...»	177
«Как ударом молнии...»	181
«Коммунистическая партия — ...»	183
«С ребенком, девочкой...»	185
«Угнетающая тяжесть...»	187
«Призрак кладбища...»	189
«Ты ждал его смерти...»	191
«Угрюмость с серостью...»	193
«Старый дом...»	196
«Стыд...»	197
«Слёзы...»	199
«Затриманий час...»	202
«Білим полем...»	205
«Хрести, хрести, хрести...»	207

«Давай-ка, Вова...»	209
«Мелькание мелкого ...»	215
«Вавилонская башня...»	216
«Держитесь, люди...»	218
«Остановить движение...»	220
«Горят деревья...»	224
«Я жизнь продлеваю ...»	225
«Дождь крупными каплями...»	226
«В бесконечно большой...»	227
«Не носись ты с собой...»	229
«Я стучусь в вашу дверь...»	237
«На растопку топки...»	239
«Ломаясь, склоняясь...»	241

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

М75 Кроки. *Поезії*. — К.: Видавничо-поліграфічний центр
«Київський університет», 2013. — 256 с.

ISBN

Нова книга Анатолія Можаровського — спроба сказати про особистість, людину, про себе в Україні пострадянській, сказати вільно, відверто й правдиво.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 26.09.2013.
Формат 60х100 1/16. Зам.
Ум.друк.арк. 16,0.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.